

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Красноармеец

1920 год.

№ 1-2.

Приказ-памятка по 3-ей Красной Армии, 1-ой Революционной Армии Труда.

1. 3-я армия выполнила свою боевую задачу. Но враг еще не окончательно сметен на всех фронтах. Еще хищные империалисты угрожают Сибири с Дальнего Востока. Еще и дикые войска Антанты грозят Советской России с запада. Еще сидят безогвардейские банды в Архангельске. Еще не освобожден Кавказ. Поэтому 3-я Революционная армия остается под штыком, сохраняет свою организацию, свою внутреннюю спайку, свой боевой дух — на случай, если социалистическое отечество призовет ее к новым боевым задачам.

2. Не проинсценируйте сознанием долга, 3-я Революционная армия не хочет терять времени даром. В течение тех недель и месяцев передышки, какие пришлось ей на долю, она применит свои силы и средства для хозяйственного поднятия страны. Остающаяся боевой силой грозной армией рабочего класса, она превращается в то же время в революционную армию труда.

3. Голодающим рабочим Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Урала и всех других промышленных центров и районов необходимо продовольствие. Главной задачей первой революционной армии труда является планомерный сбор всех избытков хлеба, мяса, жиров, фуража в районе ее расположения, точный учет собираемых продовольственных запасов, энергичное и быстрое их сосредоточение к заводам и станциям железных дорог и погрузка в вагоны.

4. Промышленность нуждается в топливе. Важнейшей задачей революционной армии труда является рубка и распилка леса, его подвоз к заводам и станциям железных дорог.

5. Для лесозаготовительных и других работ нужны жилые помещения. Революционная армия труда создаст, где нужно, бараки и обеспечит себе и тем рабочим, которые придут к ней на смену, жилье и уют.

6. Надвигается весна, время полевых работ. Наши истощенные заводы выпускают пока еще мало новых сельскохозяйственных орудий. Зато на руках у крестьян есть не мало старых орудий, нуждающихся в починке. Революционная армия труда предоставит свои мастерские и своих кузнецов, слесарей, столяров для ремонта сельскохозяйственных орудий и машин.

Когда наступит полевые работы, красивые стрелки и красивые кавалеристы покажут, что умеют идти за плугом, разрыли советскую землю.

7. Рядом с рабочими-солдатами 3-й армии живут и работают уральские и сибирские пролетарии и крестьяне. Часть трудовой армии, ее красноармейцы, ее командиры и комиссары, обязаны установить со всеми трудящимися дружные товарищеские отношения товарищества и сотрудничества.

8. Первым делом Красная армия должна принять меры к тому, чтобы в районе ее работ ни один завод не терпел от недостатка продовольствия. Если честный красноармеец будет стремиться оравняться с заводским рабочим в труде, то в то же время он должен через свой аппарат снабжения сравнять с собой рабочего в довольствии.

9. Неумолимая энергия в работе, — как в походе, как в бою!

10. Все работники техники, специалисты, мастера должны быть в армии взяты на учет и поставлены на свое место, дабы вся армейская машина на новом поприще заработала сразу и во всем объеме, плавной и ходко, без срывов и перебоев.

11. Точный учет затраченных сил и полученных результатов. Внимательный добросовестный контроль над орудиями и расходующимся материалом. Ни один фунт советского хлеба, ни одно пшено народных дров не должны остаться без учета и пропасть даром. Все должно пойти на фундамент социалистического строительства.

12. Командиры и комиссары отвечают за свои части в работе, как и в бою. Дисциплина не должна быть поколеблена ни на волос. Коммунистические ячейки должны быть образцом выдержки и настойчивости в работе.

13. Строго сохранять связь частей армии. Не ослаблять бдительности. Не отступать зашла.

14. Командирам и комиссарам посылать по команде точные оперативно-трудовые доведения о количестве собранного, погруженного, перевезенного хлеба, о срубленных и распиленных кубках дров и обо всей остальной работе. Эти оперативные сведения публиковать в ежедневной газете «Первой Армии Труда», с точным наименованием каждого поля, каждой отдельной трудовой части, дабы наиболее прилежным и ревностным должкам уважение было по заслугам, а отсталые, нерышлые или ленивые части старались бы сравняться с передовыми.

15. Политотделу с удвоенной энергией вести свою работу, воспитывая в воле работника и в рабочей сохраняя волю.

16. Десятки и сотни тысяч печатных воззваний и речей должны разъяснить самым отсталым красноармейцам и всем окружающим рабочим и крестьянам смысл того великого дела, к которому приступает 3-я армия.

17. Революционному трибуналу армии карать лодырей, паразитов, саботажников, расквитателей народного достоинства.

18. Строго вести учет наличного состава, дабы не было недобросовестных прогулов.

19. Дезертир в труде также презретен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обои суровая ка. а.

20. Наиболее сознательные воины, передовые рабочие, революционные крестьяне, красноармейцы, на первом месте! Своим примером, своей неумолимостью, своим самоотвержением подавайте пример остальным, узякая их на тот же путь.

21. Свернуть до последних пределов тыла. Всех личин — на передовую линию трудового огня!

22. Работу начинайте и заканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен, ибо ваша работа — не раский труд, а высокое служение социалистическому отечеству.

23. Солдаты 3-й армии, ныне Первой Армии Труда! Ваш почин — великое дело. Вся Россия исполнится вам в ответ. Уже советский радио-телеграф по всему миру разнес весть о том, что 3-я армия по собственной воле превратилась в Первую Армию Труда. Солдаты-работники, не поспрашите Красного знамени!

Председатель Революционного Военного

*Совета Республики **Л. ТРОЦКИЙ.***

16 января 1920 года.

Гор. Москва.

Праздничное.

Взвейтесь знамена алые!
Трубы трубите медные!
Вчера еще рабы усталые—
Пойте песни победные.

К небу весенне призывному
Лики возденьте смелые,
Думы, что лебеди белые,
Пусть устрелятся к Дивному.

Сегодня праздник Молота
И Молота и Плуга братского.
Рассыпьте зарное золото
Сердца баграцкого.

Пусть воронье темнокрылое
В страхе и трепете хмурится:
Слово немилое
Скажет сегодня им улиа.

Взвейтесь знамена алые!
Трубы трубите медные!
Вчера еще рабы усталые—
Пойте песни победные!

Я. Тисленно.

ПЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Рассказ удостоен 2-ой премии на конкурс рассказов журнала „Красноармеец“.

Под самое Благовещение разнесся по селу Верхней Осочне слух, что из Питера приехал американец Егорна Ежов, которого, лет уж пять будет, как записали вместе с женой Прасковией в покойники. Сначала в острого егогноили за политику, потом в какую-то губернию, Олонечкую что ли, угнали. Прасковья к мужу на побывку ездила, да так и не вернулась, а потом письмо от нее пришло: уехали, мол, в Америку.

Появился Егорна на селе вместе с ревноюшей и опять пропал. Сказывали в Питер уехал собирать товарищей, решил «коммунию» строить за речкой Плотвой, на Песеловой мельнице. Поговорили и забыли. А он вот уже на мельнице орудует.

На утро, после обеда, ходили любопытные парни и девки, кто посмелей, посмотреть на Егорку. В первый-то приезд на селе не все его и видели. Постарел Егорка, бороду сбрил, стал похож на немца. Брюки «на улицу» на резинковых черных помочах, рубаха кубовая. Только шея, как была, крутая да медно-красная, так и осталась. Форот у рубахи растегнувшись, даром, что снег еще в ложбинах лежит: все жарко ему. Тешет топором колья.

— А, добро пожаловать, соседусики.

Башка, как была, так и осталась, круглая: репа-репой. Глаза раскосые, только белки бегают.

— Садитесь, покалякаем. Чего боишься? С кем я тебя, что ли, даю тебе за пазуху?

И побаска осталась прежняя.

+ Чему научились? Рассказывайте.

— Чему мы научились. Ты-то больно поумнел.

— Никогда в дураках на учете не числился. Приходи, ребята, давай вместе коммуну строить.

Выходила и Прасковья, юбка подтыкана, в руках ведро: в коровнике убирается. Сама веселая: чего ей делается? Рукой заслонилась, вперед посмотрела на солнышко, потом на девок.

— Девочки, здравствуйте. Чьих таких будете? Ох, и подростки добре, как березки на всполье. Никан Машутка Софроновы?

Признала. Застыдилась девчонки.

— Идите, что ли, на помочь: хлев засветло прибрать. Коровушек жду. Наше, мол, хозяйство обчее, всенародное.

Не поняли девки. Кто сказал:

— А нам на что?

Постояли, семячек полушили, посмотрели: еще какие-то тут народы ходят, трое или четверо. Потом пошли табунком, не простились даже. И то сказать: коммуния, како дело!

Однако забрала Машутка в голову: всенародное, бает, хозяйство. Чего такое?

Мостик перешили, заиграли песню. Прошли по деревне. У Софроновской избы выглянул в окно сам старик.

— Эй, Машутка, чего? В коммунии была?

— Была,— ответила резко.

Неохота отвечать. Прошла с гурьбой. В праздник и то привязываются. Коли надобно, сам сходи: ни для кого не заказано.

В избе у Степана Софронова собралось стариков решетю. Не продохнуть, не разобрать.

— Я, говорит, да ты, говорит. Ты замес меня, а я замес тебя, без всякого изьявления. Ты, говорит, скидайвай портки, а я одену, без изьявления. Смехота!

— Нам это ни к чему.

— Вот и я: ни к чему. Грабеж в чистую, прямо—раззор. Я, скажем, пошел супроти тебе: у нас ничего не делено. Я тебя с кашей с'ем. Известно: тоха-матюха, что ж. На кой ты мне хрен? Правильно я сказал?

— Дело не подходящее.

Одно поняла Машутка, что из-за коммунии перекорютался: не любя старикам коммуния. И еще поняла, что нашлись на селе мушкетеры из молодых, которые против всех пошли: братья Петрухановы, Семен да Влас, Никита Моргунов да Василий Кукин. У кого старики, отец да мать, и они тех бросили.

— Хоть сгинь: как хотят, так пушай и живут. Это, выходит, дело их собственное.

— Мотри, как выражается: закона не признает. Батюшка-то, отец Пантелеймон, тот ему прямо в лоб: ты проти пятой заповеди идешь. «Чти,— говорит,— отца твоего и матерю твою». Покоить должен отца на старости лет. А он, стерва, махани ему на то, Кукин-то Василий; я им не занимался. Во! До чего человек может дойти. «Это,— говорит,— эксплуатация. Что ж мне,— grit,— так теперь на них цельный мой век хребет и ломать, а идею мою,— grit,— по боку оставить? Не занимался я,— grit,— пушай тоже идут в коммунию, ежели могут сочувствовать. А ежели не могут сочувствовать мне, то отец они мне и не матеря. Не пенсионеры они мне сдались на шею». Во как он может о них

понимать. Они его породили на свет, а он: «я им,—говорит,—не нанимался». Ха!

Выбежала Машутка в сенцы: разобрал ее смех. И чего удумал только Вася Кукин: не нанимался он им. Задумалась. И верно не нанимался. Взять хоть ее, Машутку: на фабрике теперь осемь сот платят. Свои восемь часов отработала и или на все четыре стороны: хошь гуляй, хошь как. Одно название, что отец с матерью, а только и слышишь с утра чуть свет: «Эй, вставай, проспала зенки - то!». Ровно она и в сам-деле кака обязанная.

Застучало сердце. На словах они все отпи да матери, чтоб их разорвало! А платочки в кои веки допросишься. Сам поедет в город, по дороге в чайной нальет, вернется: «Машутка, кто я? Тфу!

Разошелся из избы народ. Отец выглянул в окно на улицу. Насчет чего, а уж орать они мастера.

— Машутка, ставь самовар, что ля. Чего проклякаешься?

Надвинула платок, крикнула:

— Что я вам обязанная? Понче прاذвни.

И пошла вдоль улицы, руку за семечками в карман. Сама не понимает.

— А чтоб провалиться им. Уйду на фабрику.

Пошло по селу: чем дальше больше. У мельницы, в коммуна, день-денской сходбище. Выходит Егорка, брови наывуток, шляпа черная грибок; молокан не молокан, а и не похож ни на кого. И Кукин Василий тут же. Отец его взял за него себе работника: пахать надобно.

— Вот это дело другое,—сказывает Василий, сам смеется, и нет в нем жалости даже нисколько, смотрит, как каменный, брови сдвинул:—коли не хочет жить по всей человеческой справедливости,—платись. Мне его кубышка ненадобна: пушай не трашует.

Повадилась и Машутка на мельницу. Из города коров пригнали. Тетка Прасковья все, как была, веселая, про Америку рассказывает. Там денег нет, а все — доллары. Доллар на наши деньги два рубля, а теперь,—сказывают, ему и цены нет. А комму там ни по чем не найти, и кто про коммуны пропове-

дует, тому голову долой, и машина така пристроена: сейчас он пружину нажал, чик,—и готово дело:—голова с плеч. А коммуна это, значит, чтобы жить по всей справедливости: каждому работа по силам, и все промежду себя — товарищи. Нету ни начальства и ничего, а как родился человек, так и жив. Никаких преиштствий. А американцы, этого тоже не хотят: народ лютый и на доллары падкий. Нету справедливости по всей земле: ни в Германии, ни во Франции этой самой, ни в Англии. Во Франции вместо денег франки, а в Германии — марки, и тоже народ жадеющий: каждый другого за глотку поровит ухватить.

— Отчего же они не хотят так-то, по справедливости? — удивлялась Машутка.

— А ты спроси отца: отчего он кубышку в землю хоронит?

Наслушается всего Машутка, долой итти неохота. Светло в коммунае, чисто, дух хороший. Дожой,— как в могилу. По вечерам все соберутся в горницу, сначала Ежов чего читает али говорит, и все у него выходит, куда ни поверни, так точно, верно. Должны люди жить без разделения, не так, что у одного много, а у другого нет ничего. Вот у отца и так кубышка полна, сама видела: керенки и николаевские пачками лежат, николаевские отдельно, а ему все мало. Теперь у Бур-

— А, добре помаловагь, соседушни.

макиных Фроську сватает за Семена: две шубы да три тыщи чистыми. А Семен на нее смотреть не хочет. А ему все мало. Такой уж смириый уродился Семен. Ему бы хотелось с Лушкой, а он женился на Фроське. А потом дрались станут. А ему хоть бы что: женись на Фроське. И все через деньги эти самые окаянные. Вот Ежов говорит: будь они прокляты. Все люди промеж себя — одна семья, а не то, что: я — Софроновых, а ты — Бурнакиных. Вот как говорит! Ты, мол, моя жена, а ты — не моя жена, ты — моя дочь, а ты — не моя: я мимо твоего рта ложку пронесу. Ты — не мой сын, не я тебя породил: ступай за мой порог, на улицу. А у него, Ежова, не так: кто стар пришел, тот и отец для всех, кто мал, тот — дитё, а середний, тот — брат. Пришел к нему Парфен, пастух, и он у них у всех за «папану» слы-

Глянули из-за носогора—мельница.

вет. И сколько она того Парфена до той поры видала, а не знала. Рубаха на ем чистая, сидит за столом на равной ноге и стал человек, а был, как коряга лесная. Вот это—правильная жизнь. А после речей танцы. Научил всех ов, Ежов, песню петь, а названия и не выговорить: «ин-тер-на-ци-ал», а слова душевные: кто был, говорит, ничем, тот станет всем, и все ему дороги открыты, и это верно. А Парфен плакал: «Детушки вы мои,—говорит,—детушки, хоть краешком уха одним я вас захватил, бочком глаза увидел». До того умилно, сказать нельзя.

Билось сердце у Машутки. А раз, как пришла поздно домой из беседы, кто-то сгреб ее в темных сенцах да за косу, платок сбил, учуяла—отец. Возил—возил. Губы раскрасовил. Сам не говорит ничего, только пыхтит. Кончил возить по сенцам, толкнул вон из избы:

— Ступай, откуда пришла.

Забилась Машутка в сенной сарай, а еще холодно. Слышно, как пропели вторые петухи. Скоро светать начало: в щелях показался белый день. А ничуть не больно. Чудно только и смех в груди: подступит, ровно сдавит чего. Ложала бы так день-денской, на себя дивилась бы: словно бы и она, да не она. Кака-то сделалась вовсе бесстрашная.

Утром пришел в сарай брат Семен за телегой: лошадь запрягать, на станцию ехать. Но запрягать с чего-то не стал. Стоит, задулся.

— На кóго лешего,—вдруг сказал,—что я ни слася? Пушай сам на Фроське женится, коли она ему так надобна. Нанялся я им, видно, жениться. Пушай бы он попробовал меня этак-то повозить.

Хлоп дверь!—и вышел. Потом, слышно, бравятся. Первая отец:

— Прокляну!

Видно, дошло.

— А ну, прокляни,—говорит Семенов голос,—а я послушаю, как это, мол, проклинают. Небось, у человека от того прирастет что али убавится. Хоть послушать.

Потом, слышно, мать:

— Семен, Семен, чав? ты делаешь? Чаво ты сказываешь, говори. Аль он тебе не отец?

— А чего такое отец?

Даже душа захолонула. Затряслись руки, ноги. Подобрала пяточки, боится дыхнуть. Чего такое на свете сталося?

— Как чего такое отец? А ты не знаешь?

— А и очень просто. Эксплуататор, свой даровой кулак. На что он мне такой слася?

Слышно, как хлопнула себя по бокам.

— И Фроську вашу не желаю. Мне не кобылу покупать. Отказываюсь. Вот и весь вам мой сказ.

Вдруг чего-то сделалось. Хлоп, хлоп, Тишина, и кто-й-то голосом тоненьким:

— А-и-й-й-й-й... Убил...

Мужик, а плачет. Поняла, что отец. Сморкается.

— А не лезь,—сказал Семен,—видно, не Машутка я ему.

— Ах, ты, проклятый, проклятый. Вот погоди: возьмут тебя черти шелудивые. Отца сунул в рыло. Глядите, православные. Ай теперь нет на них управы?

Видно, собрался народ. Колотилось Машуткино сердце. И страх, и смех. Дотянулась до порога, глянула в щель. Сидит отец на ступеньке, плачет, кровь по бороде течет, а возле Семен стоит, за пояс держится. Народищу-у!

— И еще суну,—говорит, а сам мать отстранил, в избу прошел.

Обернулась, дала ему в спину.

— Это что же за порядки такие? А, мои милые?

Начала причитать жалостно.

— Пойдем, старик, в избу. Гляди: народ смотрит. Страмота.

— А пушай смотрит.

Глядела Машутка, а жалости нисколько. Точно впервые увидела родного отца: сидит на ступеньке чужой старик, солпный, борода конопатая. Ничего такого нет. Отодвинулась от щели, в сено забилась, руки закинула.

— А по мне пускай хот сгивнут. Уйду в коммунию.

Навязала узелок.

— Ты куда?

— А вам на что?

— Подай судьи.

— Подавитесь, ироды. Задарма я у вас жила. Может, скинуть юбку с себя последнюю? Голая-б от вас ушла, да от народа срам.

Вухнула узел посередь избы, ветром вырвалась в дверь. В сенцах Семен.

— Чего такое? Куда еще?

Хотела слово сказать, не может вымолвить. Светла показала улица. Ой, высоко да страшно небушко! Выбегла на крыльцо, огляделася: в пору назад итти. Заплакала, заголосила.

Слышит: сзади Семен.

— Ну, чего забоялася? Вместе идем.

Каргуз нагнув на кудри светлые накрепко. Толкнул в плечо.

— Двигайся. Эх, вы, женщины!

За обиду показалось, что так сказал.

— А добра, небось, не жалко? Хоть бы шаль да подушки отдали, дьяволы.

— Ладно, пойдем. Хороши и так.

Идет вперед в перевалочку. Вышли за мост, оглянулася. Чернеет в ложбинке село, избы старые, кирпичные, закоптелые. Прожила тут молодость свою за-зря, ничего не знала, не видела, на грамоту и то темная. Ничего, кроме побоев, да брани, да попреков. А защемило сердце, темно в глазах сделалось.

— Маманьку жалко. Ох, не могу.

Остановилася.

— Не пойду я. Один, Семен, ступай.

Ухватил за руку Семен, потащил вперед. Глянула из-за козогоора мельница. Отлегло от сердца. Улыбнулася, платок на голове поправила. Глядь, Прасковья на крыльце. Знать, почувала: головой кивает.

— Пожалуйте. Я и то говорю Егору: гляди, скоро на селе работников не останется.

Вошла в работу Машутка, остервенилася. С утра раннего моет, скребет, воду носит, коров доит, за скотиной ходит. Да и есть с чего, одно слово — хозяйство. Нешто могут восемь рук против сорока выстоять? И не наймица какая, и не подневольная, а куда ни глянь, — все свое. И забыла, что у отца с матерью на селе жила, а будто век на мельнице.

— А что же на фабрику хотела? спросит Семен. — Там восемь сот платят.

Остановится Машутка, глаза выкатит, сама себе дивится.

— А ну ты к лешему.

Неделя, месяц ли прошел, — вспомнить не могла, только раз из свинятника идет, знакомый старик навстречу, борода конопатая. Отмахнула волосы с глаз, глядь, и женщина с ним. Вгляделась: отец да мать. Старые показались да убогие. Ахнула Машутка, ведро долой из рук.

Стоит старик посередь двора, головой качает. Потом молвил:

— Здравствуй, доченька.

— А что ж, здравствуйте.

Глянуть не смеет, дышит тяжело. А маманька уж около вьется.

— Ах, и похудела вся, извелась, извелась, касаточка. Маманька, небось, будя: с нами бы шла. Пойдем что ли ча. Пойдем, лавушка моя, касатушка

И Семен вышел.

— Здравствуй, сынок.

— Здравствуйте. С чем пожаловали?

— Слышь, будя, Семен. Домой пора. Побаловал, — домой пора. Право, сынок. Ну, чаю тебе? Сказывай. Тройку новую? Сукно надесь из города привез: добре плотное. Побаловал, говорю, — будя.

И руку протягивает.

— Помру, дурачок, — все тебе же достанется.

На кой ляд я работал, ты скажи.

Свою руку спрятал Семен.

— А на кой ляд работалай вы, этого не знаю я. Работали, тюрьму для меня строили. А до вас дед работал да бабка Аксинья: для вас тюрьму строили. И меня в те же огдобли вам, видно, упрятать захотелось. Коли хотите, жертвуйте ваш капитал на коммуну и сами записывайтесь.

Видать, весь затрясся старик, заходили руки, голос хрипкий:

— Это я для кого же, выходит, добро наживал? Для Парфена? Пожгу, слышь? — А в коммуну не дам. Пожгу! Ограбили!

Вышел на крик Егор Ежов.

— Кого жечь, старик, собираешься? Или нас?

— И вас пожгу. Отдай мне сына и дочь. Ограбили вы меня. Егор Акимыч, слышь: отдай сына и дочь. Вистую ограбил ты меня.

Отступил на шаг, поклонился в пояс.

— Отдай.

— Чудак, вы, право, товарищ.

— Отдай. Дело говорю: отдай.

Вступил Семен.

— Читте, отцы, детей ваших...

— Ладно, отец,... не пойду я, хоть ляг на месте, а Машутка не знаю как. Машутка, пойдешь к отцу с матерью?

— А чего я пойду?

Задумалась Машутка: от большого хозяйства а итти на малое. Да и было-б из чего. Там корова одна, а тут целых шесть, да поросенка четыре, да лошадей пять. Сейчас на четырех пахать поехали, да плуга какие! От такого хозяйства уйти.

— А вы бы к нам шли: тогда и лошадей у нас станет и коров по семи. А вы, тятенька, верши плеть умеете: мы на реке хотим верши ставить. Семен-то работает, а вам бы покой уж надоть. Право слово: хорошо у нас.

И вдруг показалось, что скажет старик:

«Ну, хорошо, остануся».

Посветлело все вокруг, сердце прыгнуло с радости. И вся злота, что была на сердце, в один раз выкипела.

«Маменька! — хотела крикнуть — Тятенька!»

Да оглянулась, остановилась. Видит: стоит Егор Ежов, усмекаясь, цепочку серебряную от часов крутит. Семен голову отворотил, ровно чего в хлеву увидел.

Помолчал отец, глаза прищурил.

— Все у вас, стало-быть, старые заповеди отменяются? Али какую, может, оставили?

— А тебе которую, старик, надобно?

— Мне надобно: «Чи отца твоего и матерею твою». Эта что-ль отменяется? Ты, Егор Акимч, скажи, не стесняйся. Мы тады знать будем. Отменил — ладно. Тады мы знаем что. Вот ты таперд и скажи, как нам насчет и той, то-есть, заповеди. Собрались мы на сходо старики, промеж себя толковали: отменил, что-ль, пятую? Надо полагать, что отменил. А коли отменил, не будет ли какой замены, значит.

Моисей-то вот, слышь, свою, а ты, Егор Ежов, свою. Вот в чем у нас сумленье. Какал от тв ей милости вышла таперд народлушка новая заповедь?

Молчал Егор Ежов: глаза вонзил в старика, только ноздри раздуваются. Потом усмехнулся.

— Хорошо, я скажу тебе, старик, насчет нашей заповеди... новой, а вперед пуская Семен скажет тебе насчет пятой, как он теперь понимает об ней. А ну, Семен.

— А и понимать тут долго нечего, — сказал Семен: — за что их почитать особенно против других людей? Что удовольствие они свое имели, а через то я народился на свет, так тут никакого нету оного почтения. Отменить давно бы нужно эту заповедь. А почитать должен человек всякого, кто к правде душой привержен. За это я всегда стоять буду.

Отвернулась Машутка: не может смотреть без стыда и жалости на отца с матерью. Стоят, как пришибленные. И что за заповеди такая другая, новая? Еще ничего о такой заповеди не слышано. Смотрит на Егора, а Егор, как всегда, шуткой: знай, посмеивает.

— Хорошо, теперь я вам скажу, граждане, о нашей заповеди новой, великой. Ничего не знали вы о ней до сей поры, оттого теперь она и постигла вас. Постигла и в раззор привела. И семью вашу старую разбила. И с всей жизни она вашей пройдет, пока вы ее в сердце не примете. Вот она эта наша заповедь новая, великая:

«Чтите, отцы, детей ваших: через них идет к вам новая весть, весть новая — миру вашему, миру старому».

Мари Криниций.

Снаряды, танки и пули
Враг на страну нашу ринул..
Россию с омиг Котлаку ли?
Петлюре-ль согнуть Украину?..
Кю угрожает коммуне..
Свободная да св-ти ся страна,
О, сколько ещ: непопуний
И весен встретит сна...

С востока свет... На востоке
За гядами естают ряды..
Зорько смотрит гигант с тоской
На запад в пламя и дым.
Рваться шрапнели и гранатам,
Не красный ли зажегся свет?..
Да здравствует в левягсот / адцатом
Мировой Совнарком в Москв'е!..

Валентинов

Советская Россия в 1919 году.

Год борьбы.

стекший год был для Советской России годом жестокой борьбы.

Если попробовать подсчитать, сколько врагов выступало в прошлом году против нас, то легко сбиться со счета...

Русские контр-революционеры — Краснов, Деникин, Колчак, Юденич, Петлюра, Григорьев и много других помельче, заграничные белогвардейцы — английские, французские, японские, немецкие, румынские, сербские, чешские, польские, финские, литовские, латышские, шведские, датские и даже греческие...

Наше положение было очень тяжелое. Враги наседали на нас со всех сторон: они оторвали от Советской республики Донецкий бассейн, Туркестан, Украину, Латвию, Литву и Белоруссию. Полки Колчака двигались с Урала к Поволжью, Деникин захватил Царицын, Воронеж, Курск, Орел и угрожал Туле, Юденич два раза подходил к Питеру... Английские броненосцы обстреливали Кранштадт.

Враги грабили нас, жгли наше добро, морили нас голодом. Они отняли у нас хлеб, мясо, рыбу, соль, сахар, уголь, нефть, железо и хлопок.

Они обложили нас тесным кольцом блокады. Все сделали они, чтобы нас задуть.

От победы — к победе

Никакая другая власть, кроме власти рабоче-крестьянской, власти миллионов трудящихся не могла бы выдержать и десятой доли тех ударов, которые обрушились на Советскую Россию в минувшем году. Но Советская власть только окрепла под этими ударами. Мы видим теперь как на всех фронтах Красная армия с победным боем широко раздвигает границы Советской России. Белые генералы один за другим отлетают от нее, как мячи от палки: Колчак уже в Иркутске, Юденич — в Нарвой, а Деникин будет скоро в Черном море.

Мы идем от победы к победе.

Все — для красного фронта.

Наша борьба стояла нам многих усилий, многих жертв.

Вся Советская Россия в минувшем году была превращена в военный лагерь. Рабочим Красной Республики пришлось отложить в сторону свой молот, а крестьянину — соху, чтобы идти на фронта защищать свое право свободно трудиться на фабрике и на земле. Фабрики и заводы вместо того, чтобы производить орудия

мирного труда должны были готовить орудия войны. Железные дороги вместо того, чтобы вести хлеб и другое продовольствие в голодные города и деревни, везли солдат и оружие на многочисленные наши фронты. Десятки тысяч опытных, энергичных работников, которые в другое время могли бы отдать все свои силы советскому строительству, посылались туда же, на фронт, чтобы строить нашу Красную армию. Все управление страной Советская власть должна была приспособить так, чтобы в первую голову удовлетворялись все нужды Красной Армии. Сотни учреждений с десятками тысяч служащих работали только на нее.

И вот теперь, стоя на пороге 1920 года, мы можем смело сказать, что наши усилия и жертвы не пропали даром. Мы добились того, что наш фронт стал железным, а наша армия — самой сильной в мире.

Наше внутреннее положение тоже стало за этот год много крепче. Советская власть стоит теперь на широком и прочном фундаменте. Не только пролетариат и деревенская беднота, но и среднее крестьянство, и значительная часть мелкой буржуазии и интеллигенция поддерживают ее.

Пролетариат и Советская власть.

Советская власть и ее политическая руководительница — коммунистическая партия — создание самого рабочего класса.

Поэтому с самого начала Октябрьской революции и до последнего дня рабочей класс стоит непоколебимо на советском и коммунистическом фронте. Доказывать это едва ли нужно; укажем только на один пример. Как известно, этою осенью, как раз в самый опасный момент для Советской власти, когда враг стоял у ворот наших красных столиц, в Питере, Москве и других городах были объявлены партийные недели. Эти недели дали:

в Москве — 14.581 новых коммунистов, в Питере — 4.391, в Казани — 7.763, в Туле — 4.084, в Перми — 3.405.

Эти цифры говорят лучше всяких слов

Крестьянство.

Крестьянство Советской России не сразу сознало свои интересы и в первый год гражданской войны, запутанное кулаками и полами, часто помогало буржуазии и помещикам в борьбе с Советской властью. Кулаки и попы насчитывали темным безграмотным людям в деревне, что Советская власть отберет у них весь хлеб, загонит их силой в коммуны, станет притеснять веру, будет национализировать женщин, и пр. На первых порах многие крестьяне верили этому. В 1918 г. по Советской России прошла полоса крестьянских

восстаний. Но каждый раз после таких восстаний, крестьяне убеждались, что их обманули, что, выступая против Советской власти они сами себе одедали на шею ярмо. Мало-помалу присмотрелись крестьяне и к тому, как управляет Советская власть, и увидели, что ничего страшного она не делает и ничего без нужды с них не берет; если же и налагает какие повинности на крестьянство, то потому, что без этого государство существовать не может.

Полезь же от Советской власти для крестьянства большая: земля — в сохранности и по справедливости между крестьянами распределена, пауки помещики ровно метлой из деревни повывметены, достаток крестьянский стал больше, кабаков нет, зато школы везде налаживаются, а в иных селах уже и электричество проведено; и не раб теперь крестьянин, не батрак баринов, а вольный работник.

Зеленые стали красными.

Вот почему успокоилось теперь крестьянство и не слышно уже давно ни о каких восстаниях. Только кое-где этим летом бесчинствовали банды дезертиров, собиравсь в так называемые зеленые армии. Но и дезертирство скоро на убыль пошло.

Когда стал к нам близко подходить Деникин, увидели дезегиры, что от крестьянству несет, и сами добровольно вернулись на фронт. Темные люди прозрели, и теперь по всей Советской России крестьянство крепко держится за Советскую власть.

Что случилось на Украине.

То же самое, что пережило крестьянство Советской России в 1918 году, случилось в этом году с крестьянами на Украине. Там кулаки и буржуи крестьян еще больше, чем у нас, запугали, натравили темных людей на Советскую власть, на коммунистов и на бедноту еврейскую, учинили по всей Украине свирепую погромщину. И тяжело поплатилось за это украинское крестьянство: почти всю Украину захватил Деникин и дал вволю потешиться над ней своему озверелому офицерству. Застонала вся страна под Деникиным. Теперь опомнились украинские крестьяне, поняли свою ошибку и помогают нашей Красной армии гнать Деникина. Скоро вся Украина станет опять Советской.

Интеллигенция и мелкая буржуазия.

Нашу интеллигенцию и мелкую буржуазия, всех тех, которые посерединке между пролетариатом и буржуазией стоят и об урегулике и демократии мечтают, тоже кой-чему царские генералы научили. И Колчак и Деникин начинали с того, что с демократией заигрывали, а потом, когда забирали в свои руки военную силу, давали этой самой демократии здорового пинка генеральским сапогом.

Так вылетели в прошлом году меньшевики и эсеры из Колчакии, а в этом году то же самое в Деникин произошло: с месяц тому назад разогнал Деникин соглашательскую раду на Кубани, и теперь уже на соглашательскую Грузию наделается.

Приплось соглашателям вернуть свой фронт, и вот мы еще недавно в газетах читали, что меньшевики решили поддерживать Советскую власть в борьбе с Колчаком и Деникиным.

Нашего полку прибыло. Хоть и второго сорта солдаты, и не из ружья, а из палки стреляют, и все-таки спасибо и за то, что — не в нас.

Борьба с контр-революцией.

Теперь пришло такое время, когда против Советской власти ведут подкопы, устраивают заговоры и готовят восстания только одни исконные враги рабочих-крестьян — дворяне-помещики и буржуи-капиталисты, но сил у них немного: сами они признаются, что, кроме хулиганов, нет у них другой опоры в Советской России. Все свои расчеты строили они на Деникине и Юдениче: подойдут-мол они поближе, тогда — стрельба, паншина... авось кривая и вывезет. Да и тут у них не выгорело: Красная армия далеко отогнала белых генералов, а зоркий сторож рабоче-крестьянской власти — ВЧК во-время раскрыла их заговоры и покарала заговорщиков.

Советское строительство.

Несмотря на то, что трудно рабочим и крестьянам Советской России одной рукой обороняться от врагов, а другой налаживать управление и хозяйственную жизнь в стране, дело и тут, хоть медленно, но верно подвигается вперед. И в городах и деревнях идет работа: организуются Советы и их отделы, укрепляется продовольственный аппарат, пускаются в ход новые фабрики, открываются новые школы, библиотеки, читальни, устраиваются приюты, дешевые столовые, детские колонии, больницы для рабочих и крестьян.

С'езд Советов.

5-го Декабря состоялся 7-й Всероссийский с'езд Советов, который подвел итоги деятельности рабоче-крестьянской власти и принял ряд важных решений по международным, военным и внутренним делам. Из постановлений принятых с'ездом особенно важны два: одно о мире, другое о советском строительстве. Своим предложением мира всем воюющим с Советской Россией державам рабочие и крестьяне нашей республики еще раз показали всему миру, что не они хотят войны. Советская Россия не раз уже предлагала мир державам Антанты, но в то время наша Красная Республика была слаба, а буржуазные правительства еще достаточно сильны, чтобы держать в узде своих рабочих. Теперь наши

силы и силы рабочих всего мира окрепли, а мировая буржуазия ослабела, и если не сейчас, то скоро придется ей оставить нас в покое. Но мы должны помнить, что только наши удары пробуждают миролюбие в зарубежных буржуах. Поэтому, чтобы добиться от них мира, мы должны крепче их бить.

Для того, чтобы быть сильными и победить голод и нужду, которые мы терпим по милости русских и зарубежных буржуев, нам нужно быть хорошо организованными. Поэтому съезд особенное внимание обратил на организацию нашего советского аппарата и решил привлечь широкие массы рабочих и крестьян к работе в центре и на местах; съездом приняты меры к тому, чтобы работа наших местных советских органов шла согласно с центральными, а также к тому, чтобы наладить наше продовольственное и транспортное дело и справиться с холодом, голодом и болезнями.

Главная беда.

В прошлом году, когда у нас были еще некоторые запасы топлива, чтобы перевозить хлеб, не было хлеба. Теперь хлеба много на смынных пунктах Советской России, а в завоеванных нами местах—в Сибири, на Дону

и на Украине—огромные, еще непочатые его запасы, но нет топлива, чтобы перевозить хлеб. В недостатке топлива теперь вся наша беда. От этого мы голодаем, холодаем и болеем, от этого стоят многие фабрики, от этого наше безтоварье, наша нужда во всем: в одежде, в обуви, в машинах, в сельскохозяйственных орудиях, в паровозах и вагонах...

В единении—сила.

Но и с этой бедой справимся мы. Дружными усилиями рабочих, крестьян и красноармейцев будет добыто топливо для Советской России. Уже и тут закипает работа: профессиональные рабочие союзы организуют артели для заготовки топлива, крестьяне подвозят дрова к станциям, а наша славная Красная армия гонит белого врага и скоро отберет у него области, богатые углем и нефтью.

В новый год мы вступаем еще голодные и холодные, но сильные нашим единством и верою в победу.

Мы победили виновников нашей великой разрухи. Мы победим и самую разруху.

Прошлый год был для нас годом борьбы. Новый год будет годом победы.

Н. Горлов.

Из поэмы „Поединок“.

Липкой кровью подлировано
Улиц каменное дно,
Но стекает в рот окованный
Солнце звездное вино.

Пред дворцами и халунами
Засеивает рвы Набат
Окравленными трупами
И осколками гранат.

Золотые соки месяца
Льются другу и врагу...
Чьи-то внутренности месяца
В первовыпавшем снегу.
Твердь изранена пожарами,
Отраженьями костров.

Много пало под ударами
Солнце любящих борцов.

Дышат бреднями нелепыми
Обывательские сны,
Но уже цветут Союдами
Дебри Северной Страны.

В. Александровский.

ВПЕРЕДИ!

Навстречу гранатам и смерти
Несемся мы красной волной,
Для белых мы красные черти
Грохочем гражданской войной.

Молот, звенящий восстанием,
Наши штыки проковал,
В безднах вчерашних страданий
Поднялся огненный шквал.

Вылилась в красного бога
Наших страданий руда...
Кровью отметим дорогу
В мир коллективный труда.

Навстречу снарядам и смерти
Вперед, за Совет Мировой!...
Для белых мы красные черти
Грохочем гражданской войной.

И. Шувалов.

Мстители.

Мортир, орудий хохот гулкий
И лай снарядов и гранат.
Всплеснули пламенные руки
Над головами скорбных хат.

Рвут пули пальцами стальными
Созомненные волосы,
Над ними в орудийном дыме
Молниевидная коса.

Какою дикою ордою
Разгромлена Россия ты?!
Над Волгой, Доном и Невого
Пожаров рыжие цветы.

Нагаек, шашек визг неистов,
Под виселицами дикий свист,
И над телами коммунистов
Казачьих шпор звенят мониста.

Орлами, мстители, летите,
Неся на перьях стрел звезду,
Стальными крыльями метите
Златопогонную орду.

Мих. Герасимов.

Перед мировой бурей.

а право жить и управлять без барина,— вот, за что больше двух лет бьется русский рабочий народ.

Против него встают все хищники мира,— биржевики, спекулянты, помещики, офицеры—хотят заставить его снова

покориться капиталу. В России мы уже почти обломали им зубы, на Зап. Европы и Америки получают они оружие и деньги для борьбы с русскими рабочими и крестьянами. Они думают нас блокадой, морят голодом, изводят непрерывной войной. Иной раз с тоскою ду-

мает наш красноармеец, оторванный от мирного труда: да будет ли этому конец? Да справимся ли мы с всемирным союзом капиталистов? Почему не приходит к нам на помощь наши братья, рабочие и крестьяне других передовых стран? Неужели и дальше будем мы одиноки в нашей борьбе?

Нет, братья, этого не будет! Русский рабочий уже не одинок. С восхищением глядят за его борьбой не только миллионы трудящихся в передовых странах Европы и Америки, но и отсталые, угнетенные европейскими империалистами, народы Востока.

Истекший год был временем повсеместного освобождения пролетариата из духовного плена буржуазии. Мы должны помнить, товарищи, что рабочие и крестьяне в Европе и Америке

не только подавляются вооруженными наймитами капитала, но и находится у буржуазии в духовном плену. Это значит, что буржуазия там сумела поработить самую мысль трудящегося. По ее указке действовало духовенство, учителя, писатели и даже так называемые „вожди“ пролетариата. Эти „вожди“ называли себя социалистами, на словах расценивались за интересы пролетариата, а на деле учили его плестись в хвосте буржуазии, подрывали доверие пролетариата в свои собственные силы, проповедывали соглашение между рабочими и капиталистами. Но когда сильный вступает в соглашение со слабым, слабый превращается в раба. Как невольник, влетает он за победной колесницей сильного, изрядка получая от него подачку.

Этому времени приходит конец. На место прежних соглашательских социалистических партий в Европе и Америке приходят новые, революционные коммунистические организации.

Их лозунг везде: власть Советов, диктатура пролетариата, союз с Советской Россией. От слов начинают они переходить к делу.

Первые попытки были неудачны и стоили много жертв рабочему классу. Дважды выходили на баррикады рабочие Берлина, но отряды офицеров, студентов с идущими у них на поводу темными массами затопили в крови эти выступления рабочего класса. Две недели существовала Советская республика в одном из германских государств, в Баварии, но и ее сломили белогвардейские банды вышедшего изрядом рабочих, но изменившего им „вождя“ — Носке. Почти полгода процарствовалась Советская республика в Венгрии. Доверие ее облекли венгерские рабочие и крестьяне: тогда двинулись иноземные полчища, румыны и чехи по указке Антанты и своими сапогами растоптали молодую свободу венгерского народа.

Только перед Советской Россией ломалось неизменно оружие насильников. Это потому, что твердо держали мы мечи в своих руках, а господам-правителям Антанты нельзя было опереться на своих подданных. Они наускивали на нас малые народы: чехов, поляков, румын, финнов, вооружали наших белогвардейцев, но эти зловонным карликам не удалось свалить Советского гиганта. А своих солдат против нас пустить господа из Антанты не могли. Наотрез отказались и американские, и французские, и английские, и итальянские рабочие душить своих российских братьев. Они еще не настолько сильны, чтобы вырвать власть из рук своих господ, но уже достаточно сильны для того, чтобы отстоять свою волю и не дать превратить себя в палачей. Все громче и громче раздается их отповедь насильникам. „Руки прочь от Советской России!“

И уже тянутся к нам другие, мозолистые руки, тянутся не для борьбы, а для братского пожатия, для боевого союза против общего врага.

В столицах Италии, на стенах Рима красуются плакаты: Да здравствуют большевики, да здравствуют русские братья, да здравствует Советская власть.

По всем городам Англии, как гром, прокатывается тот же боевой клич: привет русским братьям, долой гнусную блокаду! И само английское правительство начинает вилать, не зная какой политики ему держаться.

А французские рабочие выбирают в парламент тов. Садуля, который давно уже борется в рядах русских коммунистов и которого за это приреудил к смертной казни парижский военный суд.

А в Германии партия независимых, в которой теперь 750.000 членов постановляет выйти из союза соглашательских партий, объединившихся вокруг II Интернационала, и на известных условиях примкнуть к революционному III, или, как его за границей многие называют, Московскому Интернационалу.

К этому Московскому Интернационалу примкнули уже американская коммунистическая партия, итальянская объединенная социалистическая партия, болгарская партия тесняков, швейцарская партия, скандинавские и многие другие партии. И в среде французских и английских организаций, из самой глубины рабочих масс все настойчивее выдвигается тоже требование порвать со старым, соглашательским прошлым, вступить на путь борьбы за диктатуру пролетариата, войти в настоящее международное братство трудящихся, в III Интернационал.

Но не только оттуда, из Зап. Европы и Америки тянутся к нам братские руки. Для всего Востока, для всего безбрежного пространства Азии стала Советская Россия символом освобождения от насилий и грабежа европейских угнетателей. У жителей Востока — мусульман священными считались арабские города Мекка и Медина. На 7-м съезде Советов заявил т. Султан-Галиев, представитель мусульманских организаций Востока, что теперь для самых широких масс мусульманского Востока такими священными городами стали Москва и Петроград. Какой-то старый мулла в Ташкенте наивно сказал: «Тот не мусульманин, кто не за Советскую власть».

Мы уже не маленький красный оазис среди безбрежной черной пустыни. Из темных глубин этой пустыни идет глухой гул, поднимаются густыми клубами красные пары восстания. И близок момент, когда огненный смерч взойдет над черной пустыней, испепелит старый мир насилия и лжи, и перед трудящимися всего мира взойдет красное солнце свободы.

Семен Галин.

ЕВРЕЙ ЛЕЙЗЕР.

Рассказ.

Посвящается Комитету
Городского района Р.К.П.
(большевинов), Москов-
ской Организации.

Всю свою жизнь боролатый, поседевший в боях товарищ Лейзер не знал покоя. Когда он был еще «на побегушках» в магазине «часовых дел мастера» в Киеве, какой-то хитрый швырнул булыжником в оконное стекло магазина, где Лейзер с набойной семьей часовщика мирно сидели в своих ермолках за столом, озаренные пылавшими в мелихиорных подсвечниках свечами «шабаша». Осколок стекла застрял у мальчика в левом глазу. Глаз вылечили, но зрение стало слабеть, и на белке образовался большой багровый шрам, точно кусок свежего мяса, придававший добродушному от природы лицу Лейзера сердитое выражение.

Ненаказанное преступление отразилось на всей жизни Лейзера, начиная с того, что красивая девушка Рая, в которую он долго был влюблен, предпочла другого со здоровыми, ясными глазами, без той гноящейся капли, которую Лейзер часто стирал грязным платком со своего слезящегося глаза.

Во второй раз, когда расширявшаяся кровавадная толпа погромщиков громила на «Еврейском базаре» лавки, рассыпаясь по окрестным улицам с криками: «Бей жидов!.. Луни их нехристов!..» — Лейзер чуть не сделался жертвой грома, попав в отчаянное положение. Погромщики гнали за ним и за другими евреями с топорами и колыями по Загородной улице. Обыватели наглухо заперли калитки своих домов. Чувствуя неминуемую гибель, слыша позади все приближающееся гиканье пьяной толпы и отчаянный крик наступившего еврея, Лейзер с ловкостью безумного стал карабкаться по досчатому узкому простенку между домами с целью перепрыгнуть в незнакомый двор. Но очутившись на верхушке простенка с торчащими железными зубьями, он увидел по ту сторону огромного цепного пса, бешено бросавшегося на него с остервенело-покашными клыками мохнатой морды с маленькими сверкающими глазами.

Кодобаться было невозможно, и несчастный Лейзер предпочел броситься в пасть этому зверю.

Погромщики, растерзавшие пойманную жертву, с гиком и свистом пробежали мимо.

Когда кто-то, привлеченный лаем, взглянул в промежуток простенка, то увидел зацепившегося одеждой за острия зубьев еврейского подростка, смешно барахтающегося в воздухе на четвереньках и отбивающегося ногами от прыгающего пса.

Собаку с трудом оттащили, а Лейзера сняли с зубьев, продравших зад и спинку потертого сюртука, в котором он помогал часовщику принимать заказы за прилавком магазина. Еще несколько минут, сюртук не выдержал бы, и Лейзера зарызла бы собака.

И, к счастью, весьма редкому для еврея, его не только не выбросила на улицу, но даже укрыли от новой банды грома, продравшихся во двор и искавших евреев по всем квартирам.

Хозяйка дома, красивая, молодая «проститутка», принимавшая у себя только «и бранных» гостей, но «без всякого различия национальностей», хохотала потом до упаду, рассказывая им, в каком «смешном виде» обнаружил «еврейчика» Лейзера выручившая его прислуга.

«Часовой подмастерье» отделился лишь сильным перепугом, еще два дня продрожав в темном сыром подвале в страхе быть найденным и растерзанным.

После схлынувшей погромной волны, полный благодарности к «спасителям», бледный, жалкий Лейзер решился, наконец, пойти на площадь, где была его мастерская, но сразу ничего узнать не мог.

Всюду сновали верховые казаки и расхаживали сердитые поллицейские, не пропуская прохожих... Почти все окна в домах и большое стекло часового магазина были выбиты... Целые горы вещей: разбитые роулы, зеркала, комоды, кровати, разорванные перини, с разрывающимися по ветру пухом, и всякого рода бесформенный скарб и хлам згромождали проходы и проезды.

— Ты это куда?... Жиденок косоглазый.. Тебя еще здесь не было!.. — зарычал усатый городской с бляхой, заграждая проход к магазину.

Лейзер вздрогнул, вновь почувствовав запах крови, но все же заискивающе-близко проборотал:

— Я не знал, что нельзя... Но я здесь работаю подмастерьем?..

— Все равно уходи... нельзя сейчас... Разве не видишь—дознание идет!..

Отогнанный от своего разрушенного гнезда, не зная жизни ли хозяева, бесприютный, в подшитою кое-как сюртуке, Лейзер стал шляться по базарной площади, обозревая дома с разрушенными рамами, кучи хлама, охраняемого патрулями, и снующих прохожих, направляющихся к собравшейся почему-то большой толпе за «железной» церковью.

Он тоже побрел туда, угнетаемый тоской одиночества и страха и полной неопределенностью положения.

Вблизи бульвара, с оголившимися от старости тополями, было особенно много народа.

— Ведь это ужасно, что такое!.. Хоть и жиды, а все же люди... Так испалечить... Беременную распотрошили... Вот еще звери!.. Говорят, вместе с полицией грабили...— расслышал он рассказ одной из двух баб, шедших отсюда.

— А я тебе скажу... Собака собачья и смерть... Сказано... жиды... христо-продавцы... — бесилась другая.

Содрогаясь, никогда никого не продававший, Лейзер подошел к толпе и кое-как протиснулся внутрь огромного круга людей, все время расталкиваемых полицейскими:

— Раздвиньтесь... отойдите, господа... Не напрайтесь... Куда на мертвецов лезешь!.. Ослеп, што ли?.. Простор дайте...

— О... ох... Боже мой... Боже!.. — простонал Лейзер, увидя тех, о «просторе» для кого так заботится полицейский.

Цельми рядами лежали десятки трупов изуродованных евреев: старые, молодые, женщины, мужчины, дети.

Вокруг них стояли, допускаемые для опознания своих, родственники убитых, оглашая воздух то сдавленными, то громкими рыданиями.

Здесь же, почти у самых ног своих, Лейзер узнал трупа хозяина, но узнал не по лицу, от которого ничего не осталось, кроме торчащих густых ороואленных бровей над вытекшими глазами и развороченным носом, а по сироченой руке, на кисти которой не доставало среднего пальца, оторванного когда-то на фабрике.

Ему стало так страшно, так жутко, что он сейчас же стал протискиваться через толпу толпы наружу, вместо того, чтобы пройти

через образованный полицией проход. Плакать ему было не по ком, отца и мать он потерял еще ребенком и вырос у какой-то тетки, отдавшей его в часовую мастерскую.

— Куда!.. Проходу не видишь, што ли... — напустился на него полицейский.

Лейзер продвинулся к проходу, но вновь оцепенел от ужаса:

Прямо на него смотрели выпяченные тусклые, как масляные, черные глаза того самого седого старика, которого он обогнал, убегая от погромщиков, и нечеловеческий крик которого прозвенел у него в ушах, когда он взбирался на верушку простенка.

— Если бы не я, а он обогнал меня, я лежал бы здесь на его месте... — пронеслось в мозгу Лейзера, и он, как сумасшедший, вырвался наружу из душившей его толпы людей, смотревшей на все эти трупы какими-то тупыми бессмысленными глазами.

Все это, как и кошмар пережитых страданий, оставило в душе Лейзера еще более глубокие следы, чем когда-то обезображенный хулиганом глаз. Он невольно проникся ненавистью к христианам, которые могли все это делать, исповедуя веру в какого-то бога, умершего, как они рассказывали, на кресте для спасения людей.

— О, христиане... христиане... — шептал он, как

пыльный, уходя куда-то вперед, дальше от этих мертвецов, среди которых только благодаря случайности не лежало его тело с красным рубином на гноящемся глазу, по которому кто-нибудь мог бы узнать и его.

И ненависть эта становилась тем сильнее, чем больше угнетали его несчастный народ, гонимый из города в город, изгоняемый за «черту оседлости», избиваемый пьяными «христианскими» хулиганами, подстрекаемыми дарскими жандармами и полицией.

Покинув Киев, Лейзер кое-как добрался до своего родного города Лозы, откуда судьба перебросила его в Одессу. Поступив в Одессе подмастерьем в часовую магазин, Лейзер вскоре сблизился с большевиками и сделался «сознательным» и революционером.

Только теперь он понял, что не русский народ, не рабочие массы повинны в ненависти к евреям и в погромах.

...Революция 1905 года видела еврея Лейзера вместе с рабочими и студентами на обших тогда революционных баррикадах, откуда он в одно и то же время защищал и свой

Погромщики гнались за ним с топорами и камнями.

народ от погромщиков и нападал на контр-революцию, одержавшую свою последнюю „победу“ над народом...

С баррикад он пошел бы прямо на виселицу, если бы товарищи не помогли ему, раненому, бежать, организовав нападение на конвой, среди которого также было много своих.

Лейзер скрылся из Одессы, оставив здесь жену и двух любимых мальчиков, уцелевших от погрома благодаря одной русской революционной семье, не попятившейся на глаза охранке. За все время своего подпольного скитания только несколько раз ему удалось с бьющимся сердцем и слезами увидеть жену и подросших сыновей, содержавшихся почти без его помощи трудом рук матери, шившей модные платья для детей буржуазии. Пойти к ним, — значило рисковать провалом и себя и той тайной типографии, в которой он набирал по ночам нелегальную, как и он сам, партийную газету.

Но как он ни прятался под огромной запущенной бородой, очень старившей его, как ни прятал свой искалеченный глаз, отмеченный в старом паспорте, под темными круглыми очками, все же глаз тот и выдал его агентам охранки.

— Лейзер!.. Лейзер!..

Кто-то прокричал однажды позади него это страшное теперь для него имя.

Лейзер, проживавший в Твери по паспорту Д. вида Залкина, перешедшего через границу без всякого паспорта, не оглянувшись, продолжая спокойно идти по улице.

— Лейзер!.. — вдруг раздалось у него перед самым ухом, и какой-то „штатский“ пошел рядом с ним, стараясь проникнуть острыми глазами ищюки под стекла его очков, плотно прилежавших к орбитам глаз.

— Извините, господин, вы опознались... я не Лейзер... — спокойно, с улыбкой, ответил он, взглянув на «шника» сквозь темные стекла очков и продолжая свой путь.

Но остановившийся было в нерешительности «штатский», вновь пошел за ним.

— Провалился!.. — подумал Лейзер, перебирая в мозгу все хитрости, к каким прибегают в таких опасных случаях, тем более, что эту ночь он работал в типографии; вместе с ним могла провалиться и она.

Он решил испробовать простой, но удававшийся раньше способ провести «шника».

Пройдя два-три квартала и убедившись, что тот не отстает, Лейзер снял и протер большим цветным платком свои очки и, во время надев их, чтобы шпион не успел догнать его, вынул из кармана какую-то записку и стал внимательно читать ее.

Шник прошел мимо, но сам Лейзер вдруг остановил его:

— Скажите, пожалуйста, как мне пройти в участок?.. Вот, я получил повестку... и боюсь опоздать...

Штатский, повидимому, вновь приведенный в замешательство, заявил, что не знает, где участок.

— А вот спросите у городского, — предложил он таким обыкновенным тоном, что Лейзер подумал, что, может-быть, это и не шник.

Но почему же он хочет обнаружить во мне Лейзера?.. — задумался он и, сказав с намеренно еврейской миной: «очень вам благодарю!», направился к городскому.

Пока городской рассказывал, как пройти «штатский», повидимому, внимательно изучал его, но Лейзер не боялся этого.

В «лапсердаке» и картузе, с измененным ра тительностью лицом, с очками на глазах, даже жена его не хотела верить, что это — он, Лейзер, муж и отец ее детей. Тот Лейзер, который действительно был ее мужем, никогда не носил ни лапсердака, ни пейсов, ни такой длинной бороды. Когда она выходила за него замуж и расставалась с ним, после его ареста, это был правивший ей приличный подмастерье, а не такой, за которого она никогда бы не вышла замуж.

Лишь после того как он, приподняв свои темные очки, взглянул на нее своим больным глазом, она сразу узнала его.

Поблагодарив полицейского, Лейзер свернул в указанный переулок и, оледиваясь, быстро зашагал вперед и вдруг шмыгнул в один из дворов. Сообразив что-то, он с таким же проворством скрылся в двери чей-то квартиры. С целью затянуть время, Лейзер долго расспрашивал здесь о несуществующем еврее, якобы жильце этого дома, и о разных вещах, имеющих некоторый интерес для праздного оывателя.

Но когда Лейзер осторожно вышел и, озираясь, стал спускаться по лестнице, то к своему ужасу заметил также крадущегося навстречу шпиона.

— Шпион!.. решил Лейзер, но все же сделал попытку пройти мимо.

— Стой!.. Ни с места, жил!.. закричал на него сыщик, направляя в голову дуло браунинга.

Сопротивление было бесполезно, тем более, что случайно с ним не оказалось револьвера.

Глаз предал его и в жандармском управлении. Во время допроса ему предъявили фотографический снимок еще юношеского портрета, отобранного при обыске у жены.

Пойманного революционера отправили в Петербург, посадили в Кресты и присудили к 18-ти годам каторжных работ, применив манифест об амнистии. Типография к величайшей его радости обнаружена не была. Раскрытие ее было бы для Лейзера гораздо большим несчастьем, чем спокойное выслушанный приговор царского суда.

Здесь, в Крестах, он имел несколько кратких свиданий с приехавшими женой и сыновьями; старшему из них было уже 16 лет.

— Смотри же, будь стойким социалистом и не забывай твоего отца, — удалось Лейзеру пещнуть сыну.

Он едва сдержал сжавшие горло рыдания. Ссылка в якутскую тайгу опять разлучила Лейзера с семьей, которую он и так почти

никогда не видал, проживая в «подпольи», но не могла разлучить его с партией: партия была повсюду, и на поверхности жизни, и в подпольи, в пещах и на каторге.

Рассеяв жертвы по лицу земли, она вела свою тяжелую работу в массах, готовя востанье против царизма и организуя пролетариат в борьбе за социализм. Работая в авангарде всех других социалистических организаций, с одними согласно, с другими ведя непримиримую идейную борьбу, партия большевиков делала свое дело.

Февральская революция, свергнув царизм, общими усилиями разбив тюрьмы и разорвав цепи, выпустила на волю и еврея Лейзера, измученного, большого, теперь уже слепого на один глаз.

Встрепенувшись на воле, он снова с головой окунулся в революционную работу, которой оказалось еще больше, чем до свержения царизма, жившего еще в сердцах генералов, офицерства, бюрократов-чиновников и замаскированных салоппниц.

Мелкая буржуазия пыталась захватить в свои руки власть над рабочими и крестьянами, и для борьбы с ними большевики должны были напрячь все свои силы, возраставшие с каждым днем. Возрастали силы и буржуазии.

Уставший на каторге, товарищ Лейзер очень боялся подготовлявшегося июльского востанья, опасаясь провала и укрепления социал-предательской власти, но вскоре убедился, что задержать клочкотавшие уже силы взрыва значило riskовать быть выброшенными в воздух массами, неугодно равнявшимся к востанью.

И действительно, хотя востанье и было подавлено, но оно приблизило великие «Октябрьские дни». Море социальной рабоче-крестьянской революции закипало все с большей силой и, наконец, разразилось бурей, с невероятной легкостью снесшей в бездну истории всю накипь еще февральских мутных, бесцветных волн...

Красное знамя коммунизма вспыхнуло над освобожденным Петроградом и задело по всей России, разбивая редут за редутом контр-революции и все дальше отгесняя объединяющихся рассирепевших врагов.

Гражданская война разделила всю страну на два лагеря: *красных* и *белых*. Борьба разгоралась; враги вырастали словно из-под земли.

— Где мои дети?.. Где мои дорогие Давид и Самуил?.. — часто задавал себе этот вопрос

товарищ Лейзер, глубоко тоскуя по семье, которую, несмотря на все поиски, ему не удалось найти.

— Где они?.. — мучился он еще и тайным вопросом: не по ту ли сторону фронта, не с палачами ли пролетариата?..

Вся жизнь Лейзера, уже почти старика в 45 лет, была разбита, искромсана, истерзана... А тут еще новое мучение, не дававшее ему покоя.

— Может-быть, и вы с убийцами Либкнехта и Розы?.. — со злобой, сжимая кулаки, спрашивал он себя в своей измученной душе, не в состоянии сомкнуть глаз от душевного волнения и физически ноющего сердца.

Для него было ясно, что уже взрослые дети не могли быть свободны от участия в красной или белой армии... И если они не здесь, не по эту сторону фронта, не в Красной армии, то они — против нее, там, с белыми разбойниками, режущими рабочих и крестьян задыхающейся в борьбе Советской республики.

— Не погибли ли они все во время этих новых григорьевских погромов?.. — задавал он себе и этот вопрос, — и в памяти его невольно вставали все ужасы пережитого. Но даже с этим примирилась бы его душа, все же они были бы мучениками революции.

В грозный и опасный час партия коммунистов лучших своих работников отправляла на фронт.

Старый Лейзер также предложил послать его на южный фронт. Он был назначен одним из политических комиссаров южного фронта, с большими полномочиями.

Ехал Лейзер в штабном экстренном поезде по направлению к Харькову, любящий в раскрытое окно вагона бледно-оранжевыми лучами восходящего летнего солнца, озарявшего высокие колышущиеся уже на ветру травы и хлеба необятных степей и черноземных полей Украины, и рисовал себе план борьбы. Но рисовавшийся в его уме довольно стройный план борьбы с врагами иногда рассыпался в нечто мало-определенное, неясное, под влиянием неотступно влиявшей в мозг мысли: — Где же мои дорогие Самуил и Давид?.. Как бы теперь вы могли почочь мне, старику, справиться с этой большой важной задачей...

И взгляд его единственного глаза грустно, почти ничего не видя перед собой, задумчиво скользил по быстро бегущим орошенным дождем травам.

Стой. Ни с места, жид!.. — зыркал в лицо.

Образ жены, как он ни любил и ни ценил ее, особенно за все перенесенные ею тяжести жизни, гораздо реже возникал в его мозгу.

— Где они?.. Не спрашивают ли они в нашей же Красной армии скромными неизвестными, но отважными борцами?.. Ведь, в них течет моя кровь, пролетарская кровь честного революционера...—с радостью воскликнул в себе Лейзер и почувствовал, как все его существо охватывается священным огнем революционного вдохновения и как, вместе с этим, две горячие слезы побежали по щекам Лейзера, затерявшись где-то в густой седой бороде.

В Харькове и почти в самом огне южного фронта—Донецкой области, где Красная армия после сопротивления принуждена была вновь отступить, Лейзер повел горячую работу по своему плану, встретив сочувствие товарищей. Но уже одним своим влиянием этот старый революционер, с патриархальной внешностью, всюду проявлявший неизменное мужество и бесстрашие мог сделать очень многое для укрепления фронта и поднятия духа армии.

Каждый красноармеец чувствовал и видел в нем комиссара, не чванливого высокого званием, а прежде всего революционер, для которого революция была стихией, в которой он прожил всю свою жизнь и вне которой он не мог бы себя и представить, если бы когда-нибудь задумался над этим. Но и в пылу работы, доводившей его часто до изнеможения, так как, пока еще отступая, приходилось работать словно на пожаре, Лейзер все же проливал слабость человека.

Он не мог отделаться от мысли о своих сыновьях.

Они становились болезнью его утомленной души, его мозга, напрягавшего последние силы в тяжелой борьбе.

Однажды, после горячего боя, сохранив свои важные позиции, Красная армия захватила в плен часть разбитого отряда Деникина с тремя офицерами и трофеями. Пленных привели в ту слободу, где был расположен штаб 8-ской части армии. Солдат разместили в специальных бараках, а двух офицеров (третьему удалось бежать в пути) привели на квартиру штаба для допроса и выслушания приговора военного суда. С офицерами не приходилось долго разговаривать при отступлении.

Всмотревшись внимательно в приведенного для допроса офицера с седой уже подстриженной бородой, Лейзер, также участвовавший в коллегии суда, узнал в нем того самого жандармского ротмистра, который несколько лет назад допрашивал его в тверском жандармском управлении и предъявил ему снимок с портрета для установления, что арестованный шпионом был именно он, Лейзер.

Этот же ротмистр присутствовал и при свидании его с семьей перед отправлением на наторгу из Крестов.

Лейзер обомлел от этой неожиданности, и, вместе с тем, смутная надежда узнать, где семья, зародилась в его сердце.

— Вот кто может знать, где мои сыновья,—подумал он, с замиранием сердца.

Дрожь от волнения, Лейзер сообщил председателю на ухо о своем открытии, который в свою очередь передал об этом другим судьям.

— Ваша фамилия?..—спросил председатель офицера в изорванном мундире, с одним погоном.

— Вы можете расстрелять меня и без фамилии...—ответил офицер, с дрожью в голове... А впрочем, если она вас интересует... извольте... Клешов, Василий Петрович... капитан...

Лейзер знал, что капитан врет, так как хорошо знает, что жандарму не могло быть никакой пощады со стороны революционного суда. Его фамилия—Байков—слишком хорошо была известна, особенно на юге России; откуда, как опытного сыщика и жестокого жандарма, его перевели в Петербург. В Твери он был лишь в командировке по делам сыска.

— Вы—Клешов?...—перво, саркастически улыбаясь, переспросил его Лейзер... А я думаю, что вы такой же Василий Клешов, как я... Давид Залкинд...—со злым смехом бросил он в лицо жандарму и уставился в него одним своим глазом, ожидая ответа.

Байков от изумления и страха вытаращил на него свои хитрые, лисьи глаза, и видно было, что он узнал Лейзера, присмотревшись к его глазу с бельмом и темным рубцом возле зрачка.

Несколько мгновений они оба молчали, с огоньками ненависти во взглядах рассматривая друг друга.

— Да... вы не—Залкинд...—пробормотал жандарм, стараясь на всякий случай потушить злобный огонек в своем глазу.

— Убедились?... Вспомнили?... А вы—жандармский ротмистр Байков. Не правда ли?.. Тот самый, которого мы тоже никто не забудем...—объявил ему Лейзер.

Жандарм не возражал... Возражать не было никакого смысла.

— Как бы у него спросить о деталях...—опять с болью шевельнулось в сердце Лейзера, но вопрос этот показался ему слишком личным, чтобы задавать его в заседании военного суда, тем более, что с внутренней его драмой никто из судей не был знаком, и он почти никогда ни с кем не говорил об этом.

— Потом... потом... только бы не расстрелили, прежде чем спрошу...—испугался он этой возможностью.

— Да, на вашей душе, господи ротмистр, много преступлений против революции...—сказал он только затем, чтобы чем-нибудь заглушить внутреннюю боль.

— Что ж, теперь я в вашей власти...—ответил тот, не возражая и против этого слишком очевидного и для него самого факта.

Председатель, получив утвердительный ответ на главный вопрос—жандармский ли он

ротмистр Байков, стал задавать вопросы. Все вопросы сводились, главным образом, к тому, чтобы, насколько возможно, раскрыть стратегическое положение врага и число расположенных здесь сил.

Ротмистр, отправлявший в тюрьмы и на виселицы десятки и сотни «государственных преступников», быть может, в надежде спасти себя от расстрела, давал кое-какие указания, назавшиеся председателю суда вероятными, но установить, говорит он правду или лжет, было решительно невозможно.

После краткого совещания военный суд объявил приговор, принятый единогласно. Капитан армии белых, бывший ротмистр охраны, прижудился к расстрелу.

«Кто из судей мог поверить жандармскому офицеру?.. Но если бы суд поверил ему и оставил его в живых, как капитана белой армии, предавшего ее врагу, то, как жандармскому ротмистру, он все равно обязан был вынести смертный приговор.»

— Вы обманули меня!.. Негодяи!..— выслушав приговор, крикнул жандарм. Но председатель, не обращая внимания на ругань приговоренного к смерти жандарма, только выясил ему его положение:

— Вы можете ругаться сколько угодно, но мы не можем не расстрелять вас... как палача еще царского режима... Да и, посудите сами, разве можно поверить жандарму?..— подчеркнул председатель.

Какая-то злая мысль вдруг блеснула в глазах жандармского ротмистра, и он отчетливо произнес:

— Если вы не хотите поверить мне... спросите не жандарма, а...

А— вашего товарища?..— закончил председатель его фразу вопросом, полагая, что жандарм ссылается на другого офицера, ждавшего допроса.

— Нет, не товарища, которому вы тоже не поверите, хоть он и не жандарм, а...

И, отчеканивая каждое слово, жандарм произнес:—...а Да..ви..да... сына... Лейзера Боруха, члена вашего же суда. Его я прошу допросить, господин председатель,— к изумлению всех предложил жандарм.

— Как!.. Моего сына Лейзера?.. Моего сына?.. Что ты сказал?!— вскочил со скамьи Лейзер, в предчувствии чего-то ужасного, широко раскрывая оба глаза на Байкова.

— Да, вашего сына Давида, он здесь... Его вместе с нами взяли в плен...— продолжал жандарм, со сквозиним в каждом слове злобством, что и среди коммунистов могут быть предатели и изменники, и, не скрывая уже злобного огня, снова вспыхнувшего в его глазах...— Вашему сыну суд, конечно, поверит...

Судьи в смущении устремили свои взгляды на Лейзера, схватившегося за сердце. Под наглым взглядом жандарма ему казалось, что какая-то огромная позорная тень легла на его имя, и что все, и жандарм, и судьи, видят эту ужасную тень, что она становится еще позорнее, еще несмыслаемее, хуже всех пре-

ступлений даже самого Байкова. Тень эта проникла и внутрь, в самый мозг Лейзера, залил его черной кровью измены и предательства.

Он тихо, бесшумно опустил на свою скамью, косматая голова его упала на грудь, и вдруг он качнулся и, потеряв сознание, свалился со стула, лепеча что-то несвязное. Судьи, секретарь и стоявший у дверей красноармеец с винтовкой, застывшие на мгновение в оцепенении, бросились к Лейзеру.

Верный революции и рабочему классу, еврей бился в судорогах на полу.

Что-то прошумело позади всех, хлопнула рама окна, но никто не обратил на это внимания, всматриваясь в страдальческое лицо Лейзера и не соображая сразу, как ему помочь.

Вдруг беспорядочные залпы ружейных выстрелов раздалась у самой избы, как будто она подверглась внезапному нападению белогвардейцев.

Все вскопши от Лейзера и, выхватывая из кобур револьверы, бросились на улицу.

Расснапившиеся по улице красноармейцы, как казалось, догонявшие друг друга, палили из винтовок в догонку убежавшему пленному офицеру. Вблизи, на самой середине улицы, лежал другой уже мертвый, повидимому, тоже офицер, с сорванными погонами.

В этот момент и бежавший офицер также упал и несколько раз перевернулся по земле.

Пальба сразу прекратилась.

Все выяснилось.

Воспользовавшись суматохой, вызванной болезнью Лейзера, жандарм высочил в окно, и когда дежурившие у штаба красноармейцы стали стрелять по беглецу, другой пленный офицер, ожидавший допроса, также высочил из сеней и стал убежать в другую сторону.

Оба были убиты. Караул, стоявший у барака с пленными белогвардейскими солдатами, остался на своих местах.

Лейзер был еще жив, кровь из рта слегка оросила его бороду. Врач установил сильное нервное потрясение и односторонний паралич.

Он не мог произнести ни одного слова, но бледное, как смерть, лицо его светилось невыразимыми страданиями, ясными для всех и без ненужных слов.

Когда товарища Лейзера снесли на носилках в походный госпиталь, и председатель вновь собравшегося военного суда приказал привести для допроса пленного белогвардейца Лейзера, то среди пленников никто не отозвался на это имя. Явилось предположение, что Давиду удалось бежать, но проверка установила наличность всех пленников.

Судьи в недоумении взглянули друг на друга.

— Или этот негодяй, жандарм, провел нас, или Давид Лейзер не попал к нам в плен,— выразил свое предположение председатель и приказал привести для допроса другого пленного.

К тому времени, когда старик Лейзер стал проявлять некоторую жизнеспособность и кое-как произносить отдельные слова и понимать

окружавших товарищей, случайно удалось установить то, без чего, по мнению врачей, старый борец коммунизма не проявил бы воли к жизни.

Ни Давид, ни Самуил никогда не были белогвардейцами или предателями рабочего класса.

Они были простыми рядовыми борцами Красной армии.

Бежавший из денкинского плена, товарищ рассказал трагическую историю славной смерти Давида Лейзера, попавшего уже раненым в плен и расстрелянного военным судом под председательством... капитана Байкова за от-

каз дать сведения о Красной армии; Самуил же, по сведениям Главцаго Штаба, находился в N-ском красноармейском полку, преследуя разбитую армию Колчака.

В Красную армию оба брата были зачислены по партийным именам, почему и было так трудно разыскать их.

Где мать их Сара, так и не удалось установить. Кто-то из видевших ее еще до революции в Херсоне передавал, что, не получая от Лейзера с каторги никаких вестей, она была уверена, что муж ее никогда больше не вернется.

Кирилл Злинченко.

Заря золотая.

Заря золотая, заря огневая...
Как радостен алый твой свет.
Не красное ль знамя в выси развеял
Над миром восходит рассвет?

И алые тучи—не алые ль стяги?—
Несутся, горя в вышине,
День новой работы и новой отваги
Украшив надеждою мне...

Из золота будто, из пламя литые
Горят на заре предо мной
Леса и деревья, леса золотые,
Мой край ненаглядный, родной...

Взойди над полями, над нивой родною,
Где грозно скрестились мечи,—
Взойди, огневая! Широкой волною
Посей золотые лучи!

Зарей золотятся и нивы, и села...
С зарею проснуться должны
Для жизни свободной, для жизни веселой,
Для братской рабочей страны.

Ты плачешь рососою заря золотая...
И капают слезы с цветков...
Ты высушишь слезы свои, расцветая.
Взойди же над чащей крестов!

Над лесом крестов! Над могилами павших!
Они—не дождалась зари...
И золотом рдяным средь листьев опавших
Священный их прах озари!

Л. Беллина.

Творчество красноармейцев.

На волосок от смерти.

(Рассказ красноармейца).

Мы наступали под Керчь. Враг оказывал энергичное сопротивление, но не было сомнения, что мы скоро очистим весь Крым, и шли вперед, забывая по пути белогвардейские преграды. Уже оставалось всего с юга 12 верст до Черного моря, с севера верст 15 до Азовского моря. Пришел к нам командир нашего полка, товарищ Л. И. Смирнов, и говорит: «Ну, товарищи! Сегодня наша боевая задача взять то, что бы то ни стало Керчь, где будет положен конец белогвардейщине». Мы любили своего командира, верили ему и теперь поняли, что настал последний год в Крыму белогвардейскому насилию.

Вот вечер. Мы ждали и жаждали скорейшего наступления. Опять пришел наш командир, мы и спрашиваем, скоро ли мы будем наступать, но он вздохнул глубоко раза два, три, произнес: «Григорьев, Григорьев!» Мы стали его расспрашивать, что значит «Григорьев». Слезы показались у него на глазах; он сообщил нам, что Григорьев изменил и предал Советскую власть. В 10 часов вечера человек 20 пошли в разведку; я и еще 9 человек пошли влево, а 10 человек вправо; не успели мы отойти шагов пятьсот, как затрещал пулемет и посыпались пули; мы залегли и начали в свою очередь, стрелять, завязался бой до самого утра. Когда рассвело, мы увидели, что это стреляли офицеры белой гвардии, человек 15, у них был пулемет; недолго думая, мы пошли в атаку, они не выдержали и бросились бежать; мы по ним залпом, человек 4-х убили, видим, они полегли и начали отстреливаться, мы перебежкой продолжали идти вперед. Вдруг появилась белогвардейская кавалерия. Пришлось нам броситься бежать, но нас, конечно, нагнали и взяли в плен. Пригнали нас в штаб дивизии. Нас было 8 человек, а двоих убили. Первым делом skoмандовали: «Смирно! Вынь кошельки!» Мы вынули кошельки и отдали, у меня в кошельке было всего 7 руб. 35 коп., они взяли, посмотрели и спрашивают: «Почему мало денег?»—я ответил: «Потому мало денег, что мы не можем грабить крестьян». Один сурово посмотрел на меня и сказал: «Снижай сапоги, пет ли у тебя на ногах риз духовных». Я снял сапоги, но у меня даже не было портянок, была совершенно голая нога. Раздели также всех и взяли сапоги, вышел их командир дивизии, генерал, и говорит: «Красные завоевали свободу или смерть». Когда он сказал это, у меня пробежала дрожь по телу, я понял, что моей жизни пришел конец. Генерал приказал отвести нас в барак и сказать поручику Трусову, чтобы принял меры. Нас погнали в барак. Около одного дома стоял офицер, он позвал одного конвоира к себе и что-то стал с ним говорить; я воспользовался этим и в стожор. Забежал в другой двор, не помню, как я перепрыгивал через высокие изгороди

и очутился в каком-то дворе у одной женщины; увидев меня почти голого и бледного, она сказала: «Видно, голубчик, в плен попал, иди, хоронись, ибо могут днем поймать». Я пошел за женщиной, она меня провела в какой-то подвал и дала мне поесть. Часа через два она пришла и говорит: «Была погоня». Когда наступила ночь, я вышел из подвала и давай бег по ног. Ночь была темная. С трудом я пробрался через караулы и заставы, но достиг, наконец, своих. Товарищи обрадовались, стали расспрашивать, я им все рассказывал, что со мной случилось,—рады. Пришел командир, стал расспрашивать, что со мною случилось, я ему рассказал все. Командир сказал, что половину войска снимают с этого фронта против Григорьева. Так и вышло. К вечеру цепь у нас поредела, много было отправлено на Херсон, а Деникин воспользовался и повел наступление, мы отступали дальше и дальше. Под станцией Калач я был ранен легко в левую ногу, и меня доставили в Москву, в лазарет, откуда вышел на месяц в отпуск, приехал в г. Самару и поступил добровольцем в N-ый стрелковый полк Красных коммунарлов и скоро отправляюсь сражаться с врагом народа.

Кр—ц Григорий Александрович Нулаев.

„О Т Д Ы Х“.

Наш полк больше года находился на передовых позициях, на далеком сером севере. Противник много раз пытался выбить нас из окопов, но каждый раз приходилось отступать ему с большими для него потерями. Но вот после года тяжелой страды нам решили дать отдых. Посадили нас в вагоны и отправили в Петроград. Это совало как раз с тем временем, когда белые вели наступление на Северной Двине и потеснили наши части. Само собой разумеется, мы в Петроград не поехали, а отправились туда, где была нужна наша помощь. Вместо Петрограда мы очутились на Северной Двине, где открыли действия против наглого врага. Общими усилиями удалось восстановить положение.

Наш полк опять отправили в Петроград на отдых. Но в Петроград опять не удалось прибыть... Вскоре мы очутились на том же месте, откуда выехали, т.-е. на тех позициях, где стояли больше года, сдерживая натиск белых. Явился командир армии и заявил, что белые окружили ст. Елец. где наши части остались в кольце, и во что бы то ни стало надо отбить противника. В 12 часов ночи наш полк отправился на выручку товарищей. Жарко было и нам и врагу. В конце-концов, задача наша была выполнена—мы отогнали врага и освободили товарищей.

Об отдыхе и в Петрограде забыли думать.. Отдохнем после, когда все враги наши будут раздавлены. Не так ли, товарищи, красноармейцы?

Красноармеец 159 стр. полка Ал. Советников.
Северный фронт.

Да здравствуют строители жизни новой—Советы рабочих и крестьян.

Очень часто приходится слышать, как ругают Советскую власть.

Часто приходится слышать, что эта власть «все» разрушила, «всех» разорила, что эта власть уморит «нас» с голоду. Что благодаря этой власти «мы» не только ничему не учились, а и читать-то разучились, и т. д., и т. д. Неправда! Ложь!

О теперешнем,—правда, тяжелом положении скажу: для того, чтобы переодеться, т. е. сменить старое, грязное белье на чистое, надо хоть не надолго, хоть на один миг остаться голым. Сбросив с народа старое «белье—прежнее правительство»,—революция надевает на него новое, чистое, праздничное белье, а теперешний момент—это момент перед надеванием нового платья: свободы, братства мира.

Это—момент перед великой социальной борьбой.

Это—момент перед благосостоянием и свободой трудящихся. Это—момент перед тем, когда все будут иметь одинаковые права, когда начальство не будет притеснять бедняков и мирволить богатым. Это—момент перед уничтожением братоубийственной войны во всем мире и эксплуатации человека человеком. Это—момент перехода от рабского засилья к инициативе и свободному творчеству. Это—момент перед тем, когда и фабрично-заводский рабочий и трудящийся на своем клочке земли крестьянин поймут, наконец, что все они—братья по труду, все составляют одну великую трудовую семью, единый рабочий класс.

И неужели этого не понимают все те, кто, как змеи, шипит и жалит новую власть?

Неужели не поймут, если говорят так ехидно, что эта власть все разрушила.

Поймите же, какая радость, какое счастье в этом разрушении. Разрушить прежний произвол исправников, городовых! Разрушить чванство разных господчиков! Разрушить власть, гнетущую, кровавую, буржуазную! Разрушить и раскрыть мошеннические проделки попов, прикрывающихся св. церковью, постоянно твердящих: «не убий» языком и благославляющих войну народов—убийство богачами бедняков.

За это разрушение великое спасибо!

А на месте всего этого сгнившего и разрушенного мы создадим доброе, правое и святое...

А вот слышится сильнее всех шипящий голос: «эта власть всех разорит»...

Кого же это «всех». Неужели вина наша в том, что мы кое-кого заставили потесниться в их роскошных палатах и вместо автомобиля заставили ходить пешком.

Неужели рабочий обвинит нас за то, что мы заставили платить ему по-божески?

Неужели обвинит нас бедняк-крестьянин, которому дали возможность убирать и пахать свою землю, а не землю кулака-помещика. Нет,

я знаю и верю, что рабочий и крестьянин за это разорение не обвинит нас, а благословит...

А шипит и злится и беснуется тот, кого действительно разорили: фабрикант и помещик...

...«Они, т. е. советы, уморят нас с голоду».

От души жалею, что этого нельзя сделать, «товарищ буржуй», т. к. я знаю, что это—твои слова. Я знаю—ты бы «спас» нас от голода и холода, как «спасал» во все время царствования Николая II. Ты спасал нас, кормил и грел, плати двугривенный в день. На эти 20 к. я кормился сам, семья моя и дети, я и за квартиру из них же платил тебе же, я, ведь, и пьян напивался... Да, пьян! Меня видели пьяным, грязным, меня уподобляли спившему, меня били, тащили в кутузку и там опять били... Я был пьян! Вы не видели, как на ваших фабриках меня калечили? Вы забыли, как помещик разрешал мне жениться, если жена моя отдаст ему первую ночь? Не помните, как меня гнали убивать себе подобных, гнали умирать ни за что ни про что, оставляя дома мою семью на голодную смерть? Разве не видели вы детей моих голодных и холодных? Не видели на улицах продающих себя из-за куска хлеба наших дочерей?

Тогда мы «не голодали». Мы не умирали с голоду, в то время как вы лопались с жиру и вина... А вот ясная наша «свет-интеллигенция» пискула: «мы не только ничему не учились, а и читать-то совсем разучились».

Это при всеобщем-то обязательном обучении? Это при народных-то университетах! Нет, это вы говорите не потому, что вам дорого просвещение народа, а потому, что вам страшно: как это рядом с вашим дитяством будет сидеть сын кухарки и будет действительно учиться, учиться для того, чтобы знать, а не для того, чтобы носить лишь красивую форму.

Господа интеллигенция! Где же ваша любовь к народу? Куда же девались те, которые «ходили когда-то в народ»?

Или таких теперь нет? Ведь, теперь самая широкая арена для проявления своей любви к народу, о которой вы кричали, а теперь молчите.

Да! Ведь у нас и ученые-то и писатели были больше из своры богачей, ведь бедняку не на что и некогда было учиться... Забота о хлебе, о завтрашнем дне отнимала всякую возможность учиться. Но все-таки кое-что из бедняков прорывался почти с нечеловеческими усилиями в высш., и эти действительно честные люди переставали быть слугами богачей: через них свет знания все-таки проникал в темноту рабочего люда... И вот мало-помалу, звено за звеном, рвутся и падают цепи темноты, которыми так долго был скован народ русский... Эти цепи порвались: теперь перед нами новая жизнь. Теперь мы своей, мы лучший мир построим...

Петр Ковригин.

Красноармеец 5 го воздухоплавательного дивизиона.

Борись с холодом!

безчисленным теперь почти разбитым, белым врагам, наступающим на Советскую Россию, присоединился еще один белый неприятель: зима. Но он конечно не уберет и не потушит того огненного энтузиазма, с которым героическая Красная армия бьет и гонит на всех фронтах своры белогвардейцев. Мы разбили Колчака, Юденича, Деникина, сильно потрепанный, курьезом катится за Дон, и разумеется мы справимся с белой и холодной зимой. Каждый красноармеец должен научиться не только владеть винтовкой, штыком и т. д. но и бороться с холодом. Мороз может так же убить, как белогвардейская пуля или казацкая шашка, может искалечить, как неприятельский снаряд, оторвав руку, ногу, или сразу уложив наповал.

Для борьбы с холодом нужно помнить следующее:

1) Если трещит мороз и дует ветер, надо устроиться так, чтобы укрыться от ветра за сугроб, деревья, кусты, забор, повозку, стог сена; залезь в яму, окоп, или вырой углубление в снегу, конечно, если все это возможно без ущерба для военного дела. Если этого не позволяет боевая обстановка, то приспособь вешевой мешок, патронную сумку, и прочее с той стороны, откуда дует ветер. Ворота шинели обязательно подними, папаху поглубже надбобуь на лоб и уши, подпоясь так, чтобы полы шинели не расходились, застегнись на все крючки, обшлага стани веревочкой, мочалкой, чтобы не задувало в рукава, или же заранее приладь хлястики, которыми можно обляпнуть обшлаг вплотную.

2) Если имеешь палатку или одеяло, выходя на пост, в секрет, заставу, захвати с собой, делай это с ведома и согласия ближайшего своего начальника.

3) Если у тебя нет теплой обуви, сам придумаешь себе для своих ног что-нибудь такое, чтобы их не отморозить, из толстого старья, или хотябы тонкого, в несколько раз сложенного, смастери себе нечто в роде носков, или налош, и когда стоишь на морозе, надень их себе на ноги. Помни, что Советская Россия заботится о тебе, но всего не хватает на миллионную армию, поэтому не будь разгильдяем, проявляй сам инициативу, будь энергичным и хозяйственным.

4) Держи по возможности ноги в чистоте, а также следы, чтобы портянки и тряпки, которые наворачиваешь на ноги были чистые и сухие, так как в грязных или сырых портянках скорей коченеет нога, грязь пропускает

холод. Обуваясь, не паворачивай на ноги столько портянок или чулков, чтобы ногам было тесно, поменьше, но подоловией обертывай ноги, чтобы они свободно чувствовали себя в сапогах или ботинках, тогда в свободном пространстве образуется теплый воздух, который греет лучше навороченных лишних портянок. Раньше, чем обуваться, позаботься, чтобы ноги были сухие, а если они влажны, протри их хорошенько чем-нибудь, разотри, разомни руками, т. е. сделай массаж. Вкладывай в сапоги стельку из сукна или войлока, а если их нет, то хотя бы сделай из бумаги, и следы, чтобы обувь внутри и стелька не были сырыми. Хорошо обернуть ногу сначала бумагой или газетой, а сверху надеть шерстяной чулок или суконную портянку. Ноги сужно держать всегда в чистоте, но не мыть их часто горячей водой, особенно в банене следует держать их в шайке с горячей водой, так как они станут тогда очень чувствительными к холоду, но помни, что грязные ноги скорей поддаются холоду, чем чистые, равно как и весь человек, если он телом чист, легче переносит холод, чем грязный.

5) Руки тоже необходимо держать в чистоте, если казенные рукавицы недостаточно греют, то смастери себе на досуге из какого-нибудь старья добавочные варежки.

6) Без особой надобности не держись за металлические части оружия на морозе, чтобы зря не охлаждать рук, так как от рук холод распространяется по всему телу. Стремена обертывай войлоком, тряпкой или мочалкой. Также не мой рук, т. к. они перед выходом на холод, быстро окоченеют. Вообще не следует умываться перед самым выходом на мороз. Старайся умываться за полчаса или час до выхода, но совсем не умывшись после сна тоже без крайности не выходи на холод, так как схватить насморк. Не умывайся теплой водой, умывайся только холодной, при этом мой не только лицо, но уши и шею.

7) Перед выходом на мороз и на морозе не пей холодную воду, она охладит тебя и вызовет озноб во всем теле. Перед выходом на мороз поешь плотнее, но на холоду не ешь мерзлый хлеб, холодная пища охладит твой желудок и от этого продоржнеешь. Хлеб отогрей сперва у костра, или иначе как-нибудь, а если этого нельзя, то откусывай его самими маленькими кусочками и проглатывай, когда он хорошо прогрелся во рту.

8) Кроме рук и ног, больше всего достается лицу и ушам. Поэтому, если нет шапки и у папаша наушников, то сделай их из чего-нибудь и пришей сам.

Для лица устрой суконную лицегреюку, нечто вроде маски, на подобие той, какая надевается на маскарадах и веревочками или шнурками завязывается на затылке.

9) Заботься, чтобы меньше потеть, за исключением 2-х случаев, а именно: 1) в бане и 2) при простуде. Не следует без надобности через-чур тепло одеваться, что вызывает пот, а потому легко простудиться, продуло тебя холодным ветром, наполнил ли чего-нибудь холодного, полежал потный на снегу или мерзлой земле, вот и готово, простудился. Не кутай зря шею—она быстро потеет, а при потной шее глотнул морозного воздуха и можешь легко получить ангину. Потный никогда не растягивайся на морозе. В помещении не сиди слишком тепло одевшись, чтобы не вспотеть. Не снимай с потной головы папаху на ветру или морозе—простудить голову. После ходьбы, на привале, если ты потный, делай какие-нибудь легкие движения: топчись, похлопывай руками, как делают извозчики, пока малость не просохнешь. После горячей пиши или чая, разгоряченный без надобности не выскакивай на холод, пока не прохладиться.

10) Если попал на холоде в воду и промок, то согревай свое тело движениями и старайся при первой возможности попасть в помещение и там просушиться, или развести костер и согреться.

11) Не верь, что на морозе можно согреться спиртными напитками.

Вино жжет, и сперва кажется будто-бы согрелся, но затем быстро наступает охлаждение всего тела, недаром пьяные люди чаще всего отмораживают себе руки, ноги, а то и замерзают совсем.

12) Осторогайся на морозе заснуть, особенно ночью, когда больше всего клонит в сон, или когда стоишь на посту, так как легко можно заснуть на веки. Когда человек замерзает, его очень клонит в сон, в таких случаях веди борьбу со сном.

13) Для закаливания себя чрезвычайно полезна гимнастика, от нее человек становится бодрым, крепким. Также полезно делать холодные обтирания мокрым полотенцем всего тела.

14) Отмороженное место, уши, нос, пальцы и так д. всегда белеют, если это заметишь у себя, или у товарища, нужно немедленно растереть снегом до красна.

15) Человека с отмороженными руками, ногами или замерзшего никогда не следует сразу вносить в теплое помещение, нужно сначала ввести в холодные сени, сарай и там осторожно растереть полотенцами, суконками, намоченными в холодной воде со снегом, когда человек отойдет, то внести в комнату и, уложив в постель, укутать так, чтобы отмороженные руки и ноги находились выше туловища, дабы не могла застаиваться кровь.

16) Когда тебе холодно, не признавайся себе, не раскисай, а думай, что тебе тепло, что ты победишь холод. Как и те белогвардейские банды золотогонимков, которые идут против тебя, эта уверенность вызовет в тебе силу и волю к победе, которая поборет голод, холод и врага, идущего против тебя.

М. Г.

**ТЫ ХОЧЕШЬ МИРА, ТЫ ХОЧЕШЬ ХЛЕБА,
ТЫ ХОЧЕШЬ СВОБОДЫ, ТЫ НАСТУПАЙ.**

Г Е Р О И и М Ъ Т Е Н И К И К Р А С Н О Й А Р М И И

Смерть — лучше плена.

У села Соменка белые временно потеснили иш Н-ский полк.

Пулеметчик тов. Гусев прикрывал наш отход ураганным огнем. Раненый в ногу он продолжал косить врага, отстегав у своего «Максима».

Но вот выпущена последняя лента. Белые уже в 20-ти шагах от героя.

В этот момент тов. Гусев бросил бомбу в наседавших врагов. Враги оневели, попятились назад.

Второй бомбой тов. Гусев покончил с собой. Он не хотел сдаться в плен.

Несколько дней спустя красные части вновь заняли село Соменку. Здесь было найдено тело тов. Гусева, с раздробленной головой. Подле него лежали трупы убитых им белогвардейцев и остатки его родного «Максима».

С грустью похоронили красноармейцы своего товарища-героя.

Красный гусар.

В бою под дер. Кайпак, Тобольской губ. во время лихой кавалерийской атаки погиб красный командир тов. Брыжев.

Тов. Брыжев — крестьянин Орловской губернии.

В старой царской армии он служил в 17 гусарском Черниговском полку.

Здесь он впервые столкнулся с реакционным офицерством и резко с ним разошелся.

После Октябрьского переворота он первый стал на сторону Советской власти и повел большевистскую агитацию среди своих солдат.

В этом ему сильно мешало золотопонное офицерство, но тов. Брыжев все же сумел вырвать из рук его два эскадрона, которые влились целиком в только-что нарождавшуюся Красную армию.

Тов. Брыжев был первым командиром «Крас-

ных гусар». Под его командованием боролись они еще с немцами и бело-эстонцами.

В дни чехо-словацкого выступления тов. Брыжев вместе со своими гусарами творил чудеса на Урале.

Когда отряд был сформирован в полк, тов. Брыжев получил должность помощника командира полка.

И здесь его храбрость и выдержка снискали ему любовь и преданность всех товарищей.

В последнем бою под дер. Кайпак тов. Брыжеву была дана задача выбить из деревни казачьи отряды.

Три раза ходили красные кавалеристы в атаку на превосходившего силами противника и добились победы.

Тов. Брыжев был убит в этом бою.

Его растерзали белогвардейские концы. Он умер мучеником-героем.

Красные гусары отомстят за него.

Вместе побеждали — вместе погибли.

Н-ский батальон получил приказ во что бы то ни стало занять село Свистовское.

В 6-ти верстах от села красные бойцы наткнулись на цепь противника.

Командир батальона тов. Быков крикнул: — «Товарищи! Что зря тратить патроны!» И первый бросился в штыковую атаку.

Белые отступили и заняли новые позиции посреди села в расчете задержать наши части. Но тов. Быков продолжал наступление.

— «Вперед, без остановок!» — говорил он, появляясь в самых опасных местах вместе с помощником тов. Митюковым.

Полная победа была близка. Уже дрогнули, уже побежали белогвардейцы.

Товарищи Быков и Митюков помогли пулеметчикам установить «Максим», чтобы довершить поражение белых.

Но в эту минуту разорвавшийся снаряд унес их обоих: Победа досталась нам дорогой ценой.

ПОЧТА КРАСНОАРМЕЙЦА

Тов. Бундирякову. Как раз в тот день, когда мы получили Ваше письмо, 7-й Всероссийский Съезд рабочих и крестьян в Москве обратился ко всем державам, которые воюют с нами, с предложением мира. Вы знаете также из газет, что в Юрьеве сейчас наша мирная делегация ведет переговоры с Эстонией. И эти переговоры затеяны тоже нашим рабоче-крестьянским правительством. Из этого видно, что если сейчас и идет война, то не по вине Советской власти. Но Вы может быть скажете на это: а с Деникиным, Колчаком и Юденичем почему мы не миримся? С Деникиным, Колчаком и Юденичем мира у нас быть не может, как не может быть мира между разбойником и его жертвою. Царские генералы не хотят мириться с нами, а хотят нас просто задушить. Что же будет если мы бросим с ними воевать и уйдем с фронта? А будет то, что в свое время случилось с сибирскими и украинскими крестьянами: не хотели они защитить себя от Колчака и Деникина, не хотели воевать с царскими генералами за свои кровные интересы, и вот пришли к ним царские генералы, мобилизовали их в армии и погнали умирать за интересы капиталистов и помещиков против рабочих и крестьян Советской России. А допустим мы, рабочие и крестьяне Советской России к себе Колчака и Деникина, придут они, штыками и прикладами согнут нас в свои полки и поведут воевать дальше с народами Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Польши и Грузии, поведут воевать за «единую неделимую генерально-помещичью Россию». Но и этим еще дело не кончится. В Германии, как известно, уже в прошлом году началась революция; сейчас там у власти немецкие Керенские стоят; но недалеко уже время, когда у власти станут немецкие большевики (спартаковцы). И в Австрии и в других странах то же самое будет. И вот тогда пойдет белая Россия войной на красную Германию, на красную Австрию, и сделает нас, честных рабочих и крестьян, безчестными мировыми жандармами, гасителями великой мировой рабочей революции. Войне тогда не будет конца. Это вы хотите, товарищ? — Нет, так стойте крепко в рядах Красной армии, которая те-

роически бьется со всеми душителями и гасителями. Не Вы один хотите жить. Все рабочие и крестьяне Советской России хотят жить и мирно трудиться. Но жизнь и мир мы можем только с кровью вырвать у мировых разбойников. Два года мы уже боремся за мир, два года истекаем кровью и голодаем. Теперь мир так близок к нам, как никогда. Теперь осталось недолго. Терпите же и помните: когда вся страна в беде—стыдно каждому думать только о себе, помните, что только организованным путем, только все вместе, дружными усилиями и только через победу над врагом добьемся мы желанного мира.

И. Г.

Тов. Ятрусеву. Вы жалуетесь на то, что из-за неисправности телеграфа вы пострадали на 600 рублей, так как в виду неполучения вашей телеграммы о болезни вы были объявлены в бегах и из вашего жалования был произведен вычет. Если это действительно так, то предъявите удостоверение врача и телеграфную расписку вашему начальству, и причиненная вам несправедливость будет исправлена.

Тт. Васильеву, Дубровскому, Панову, Лизюкову. Не подходит.

Калинковичи II/III.

Уважаемая Редакция!

Не откажите поместить в Вашем журнале следующее:

«В нашей Советской республике есть такие уголки, как местечко Калинковичи, где до сих пор процветает свободная торговля во-всю, что называется. Единственное, что напоминает об новом строе, так это вывеска местного Совета и при въезде арка с надписями: «Духом охрепнем в борьбе», «Лишь мы работники всемирной» и так далее, а напротив лавочка торгует во-всю нормированными продуктами. В Совете сидят и пишут, а что они пишут и куда пишут,—Аллах их ведает! «Заземные гости» порою добродушно посмеиваются:

—Эх, не мешало бы отправить наш Совет в Москву или Питер, хотя часа на два, понюхать советского духа, а то он скоро поставит для порядка на базаре городского!

С товарищеским приветом

Красноармеец-фронтовик.

„БОЛЬНОЙ“ и „ДОКТОРА“.

Вильсон (стоящим за его спиной Ллойд-Джорджу, Клемансо и другим „союзникам“) Большой безнадежен, организм слишком заражен большевизмом, единственный способ спасти его — разрезать на части...

Рабочий (поднимаясь с кровати). Эти идлоты совершенно безнадежны. Они слишком заражены монархизмом. Единственный способ спастись от них — приставить их к стенке.

РА Е Ш Н И К.

А, здорово, соколы ясные, армейцы красные, товарищи, газетные читатели, Петра Зуева почитатели... Слушайте все новости последние: Буржуи что-й-то ходят бледные, шопотом друг с дружкой поговаривают да на Америку по-маргивают, а в Америке вся публика в истерике — совсем изменился фасон, потому что заболел Вильсон, а буржуи американский без Вильсона не очень-то важная персона, пугает его братия рабочая, до коммунизма, ох, как охочая... Да мы-то, братцы, кой-что знаем, омекаем, что не в Вильсоне тут дело, а дело в том, что приспела расплата тяжелая за делишки веселые, пожадуйте, мол, к ответу — а вот взглянуть на картинку эту... Вот вам прибалтийская кампания, Финляндия, Латвия, Эстляндия, никак мир заключить не решаются, то соглашаются, то упираются, что же? После раскоются!.. Мы им честно мир предлагаем: жить в ладу с ними желаем — не хотите... На себя пеняйте и нас не обвиняйте, если мы вместо мирных слов поднесем вам красных стручков... Перцу!.. А вот и дела наши военные как будто исправляются, красноармейцы наши стараются, дупят буржувов во все концы,

что день — то колчаковские пленные, а то — денкинские бегунцы. Вот недавно был в казарме я, подслушал разговоры солдатские: не страшна, говорят, нам сила кулацкая, не беда, что денкинская армия вперед забирается — раскоется!.. Заберется, заберется, а там — глядишь: стоп!.. В мешок попадетесь, а мы ее: хлоп!.. Не мешай, знай, делу народному — нашему, свободному... В общем, братцы, дела не плохи: что день, то грустной буржуийские вздохи, а было бы дело еще приятней, если бы наши солдатики были поаккуратней, а то бабят, что некоторые забывают нашу великую задачу и губят рабочую удачу... Говорят, есть такие товарищи, что, как крысы на пожарище, от беды нагреваются, наживаются, в картишки дуют, мукой торгуют и, нагревшись на мировом пожаре, дежут в баре. Хорошо бы таких приятелей припугнуть-ка: на предателей знай, мол, рожа злодейская, не грязни звезду красноармейскую... Вот и все пока. До свидания, братцы, скоро придется опять повстречаться и беседу нашу начнем сначала, в следующем номере журнала.

Петр Зуев.

Свадьба Колчака.

Ненавидимый народом,
Бравый омский адмирал,
На Москву идя походом,
Жаждой брачной воспыал.

И, раздвув успех свой громко,
От хвалы буржуйской пьян,
Приударил за японкой
Наш чалдонский дон-жуан.

От Амура до Камчатки
Подарив японке край,
Мчит царек на фронт свой шапкой
С кликом яростным: „Банзай!“

В церкви—шик парижской моды,
Шаферов собрался цвет:
Вот француз кинобородый
Держит роз живых букет;
Вот Джон-Буль, с бульдога мордой,
Насыщенный чванный брилли,

Как приличествует лорду,
Флегматичный принял вид.

Взяв кадило спозаранку,
Сам епископ ждет царька...
Хоть невеста басурманка,—
Верный раб он Колчака!.

Вдруг... Смятенье... Смех и ругань...
Кто там публику смешит?..
Кем потрепан, кем поруган
Этот жалкий инвалид?..

Пальцы, челюсть, лоб—в повязках,
Брюки—в дырах, хром и бос...
Знашь, в больших бывал он встрясках,
Тумаков немало снес!.

Говорят послы и принцы:
Вот так номер!.. Ха-ха-ха!..
А невеста в проходимце
Вдруг узнала жениха!.

Дум-Ду

Издатель:

Литер.-Изд. Отд. Полит. Управл. Реввоен. Сов. Республики.

Редактор:

Редакционная Кол